

при участіи воспитанниковъ VI класса, совершена была первая панихида а затѣмъ началось надъ тѣломъ усопшаго непрерывное чтеніе Св. Евангелія. Вѣсть о кончинѣ любимаго пастыря быстро облетѣла всю Пермь и горожане почти непрерывными вереницами шли проститься съ почившимъ добрымъ и ласковымъ пастыремъ. Панихиды служились почти непрерывно до полуночи. На другой день—въ субботу 13 марта—первую панихиду совершилъ Преосвященнѣйшій Іоаннъ, а затѣмъ служили панихиды—Преосвященнѣйшій Павелъ, Настоятель Бѣлогорскаго монастыря и другіе.

*Игуменъ Серафимъ.*

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

## VIII.

### Пути промысла Божія въ жизни скитскаго насельника.

(В. А. Макуринъ. † 9 февраля 1914 г.).

*„Почтимъ въ память вѣрнаго послушника, который при жизни своей являлъ собою великій примѣръ самоотверженнаго послушанія и любви къ Богу, Царю и родинѣ. Пусть память о немъ останется сіяющей путеводной звѣздой для насельниковъ скита послѣ его праведной кончины.“*

Возродилась жизнь. Быстро пролетѣли чистое дѣтство и свѣтлая юность, радость и золотая пора жизни скрылись, буря страстей отшумѣла, съ тѣломъ износила сила молодая... Угасла жизнь.

При тихомъ, печальномъ перезвонѣ скитскихъ колоколовъ схоронили скитскаго первонасельника—Василія Антоновича Макурина. Предъ взоромъ людскимъ возвысился у пустыннаго храма новый могильный холмъ... Кончено все! Не осталось слѣда отъ человѣка!.. Но такъ-ли?..

Нѣтъ, не умеръ онъ! Такіе, какъ онъ, вѣрные послушники не умираютъ, но живутъ и всегда будутъ жить межъ насъ.

„Лишь умеръ смертный человѣкъ,

Лишь смертнаго теперь не стало,

Безсмертный-же останется во вѣкъ“

здѣсь, въ скиту, какъ идеаль послушанія.

Онъ работалъ надъ собою, надъ низшими влеченіями своей природы, надъ своимъ усовершенствованіемъ, поборая враждебныя душѣ человѣческой силы, закаляя свою волю въ служеніи тому, что „есть едино на потребу“, чѣмъ живы люди, къ чему долженъ стремиться каждый.

И онъ побѣдилъ! Нѣтъ болѣе славной побѣды, какъ побѣдить самого себя! Онъ, искушенный и счастьемъ и злополучіемъ, умеръ какъ храбрый воинъ, закаленный въ ожесточенныхъ бояхъ. Несчастія и страданія укрѣпили и усовершенствовали силу его души и приблизили къ Богу.

Его добрая жизнь въ скиту, вѣрность, послушаніе и любовь къ Богу, служа примѣромъ другимъ, въ насъ живыхъ укрѣпляютъ вѣру въ промыслительную Десницу Божию, въ добро, въ правду и конечную побѣду духа надъ плотію.

Изслѣдуя его подвигъ добрый, воспрянетъ снова павшій духомъ въ борьбѣ съ собою скитникъ и пріобрѣтетъ новую рѣшимость терпѣть и трудиться въ надеждѣ на вѣчное воздаяніе. Тѣло его покоится въ непробудномъ снѣ, безсмертный-же духъ витаетъ въ свѣтломъ раѣ.

Прослѣдимъ его жизнь, насколько это намъ доступно. По примѣру художника запечатлѣвающаго на полотнѣ фигуру какого-либо лица со всеми ея особенностями, попытаемся и мы изобразить здѣсь его духовный обликъ, его мысли и чувства, цѣли и стремленія, черты характера и тѣ обстоятельства, тѣ, такъ сказать, этапы на его жизненномъ пути, которые въ результатъ привели его къ тихой обители и къ „христіанской кончинѣ, непостыдной, мирной“.

Родился Василій Антоновичъ 27 февраля 1862 г., въ семьѣ бывшаго двороваго человѣка помѣщика Александра Всеволодовича Всеволожскаго, крупнаго владѣльца Пожевскаго завода и другихъ имѣній Пермской губерніи. Отецъ его, въ 1858 году отпущенный на волю, приписался въ мѣщане города Дедюхина, Соликамскаго уѣзда. Первые уроки грамоты были преподаваны малюткѣ Васѣ въ кругу своей семьи, въ духѣ вѣры Христовой и церковности. Онъ съ самаго ранняго дѣтства отличался своею скромностію и склонностію къ одиночеству, хотя съ тѣмъ вмѣстѣ, временами проявлялъ

и живость, столь свойственную дѣтямъ, чувствуя въ дѣтскихъ играхъ. Девяти лѣтъ онъ съ другими братьями и сестрами остался круглымъ сиротою, а быть безъ отца, безъ матери—не легко. Скромнаго, задумчиваго, всегда сосредоточеннаго Васю отправляютъ въ С.-Петербургъ къ родной теткѣ, сестрѣ покойнаго отца, на воспитаніе.

Объ этомъ событіи онъ впоследствии писалъ:

Милостивый, смуглолицый,  
Бойкій мальчуганъ  
Тетей вывезенъ въ столицу  
Изъ далекихъ странъ.  
Жилъ въ Біарміи онъ дикой (\*),  
Лѣтъ до девяти,  
Камы гдѣ рѣки великой  
Пролегли пути,  
Гдѣ Усолка съ Чусовою  
Дружной чередой  
Гонять волны подъ горою,  
Видѣнъ лѣсъ густой.

Тамъ онъ цѣлый день стрѣлою  
По селу леталъ,  
Съ босоногою толпою  
Игры раздѣлялъ.  
Бѣденъ былъ его родитель,  
Честный человекъ,  
Труженикъ—лѣсной смотритель  
Рано кончилъ вѣкъ.  
Вскоре мать... Вотъ нашъ сиротка  
Въ Питеръ привезенъ:  
Хлопотала о немъ тетка,—  
Ей обязанъ онъ...

Со смиреніемъ, уже въ скиту, такъ описывалъ онъ жизнь въ столицѣ и свои Петербургскія впечатлѣнія.

„Не одаренный отъ природы блестящими способностями, но щедро одаренный дурными наклонностями и привычками, до сиротства и на чуж-

\* Дрежнее названіе Пермской губ., въ которой въ особенности на сѣверѣ, и понынѣ много угловъ, которыхъ совѣсь не коснулась культура.

бинъ, борясь съ ними и всякаго рода искушеніями по навѣтамъ духа злобы, терпя часто невзгоды и скорби; въ особенности въ ученіи, я временами обращался къ царицѣ Небесной и святымъ угодникамъ Божиимъ о ниспосланіи мнѣ помощи и о направленіи меня на путь истинный. Послѣ усердныхъ молитвъ, азъ многогрѣшный получалъ духовное утѣшеніе и бодрость, которая благодатно окрыляла мои надежды на самоусовершенствованіе въ будущемъ и исправленіе, и тогда временно миръ водворялся въ душѣ моей.

Столичное семейство, членомъ котораго я неожиданно сдѣлался, было въ матеріальномъ отношеніи вполне обезпечено. Старшіе двѣ дочери, которыя меня подготовили въ гимназію, получили высшее образованіе—медицинское и университетское; два сына учились въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отецъ и мать ихъ придерживались завѣтовъ православной старины, на вещи смотрѣли вообще съ утилитарной точки зрѣнія, хотя подвліяніемъ духа времени, особенно царящаго въ нашей сѣверной столицѣ, а главное въ виду совмѣстной жизни со своими просвѣщенными дѣтьми, въ ихъ матеріальныхъ взглядахъ проглядывали новыя вѣянія либеральнаго оттѣнка. Дѣти, какъ и слѣдовало ожидать, были носителями передовыхъ взглядовъ. Нормальною цѣлью жизни они ставили достиженіе возможнаго земного благополучія на разумныхъ началахъ, а высшимъ идеаломъ жизни, высшею цѣлью земного существованія для нихъ было служеніе и принесеніе пользы обществу и человѣчеству, согласно послѣднимъ выводамъ представителей и свѣтилъ современныхъ политико-экономическихъ и общественныхъ наукъ, а не слову Божественнаго Искупителя, завѣщавшаго міру, какъ цѣль нашего земного странствованія—постоянное совершенствованіе въ безкорыстной любви къ Богу и ближнему. Тайный голосъ Того, къ Кому я обращаю со слезными мольбами объ исправленіи моего жизненнаго пути по заповѣдямъ Его, или можетъ быть, голосъ ангела хранителя подсказывалъ мнѣ: „избери себѣ цѣль жизни, руководствуясь словомъ Божиимъ, а не постоянно колеблющимися выводами современной философіи и соціологіи и обуянной человѣческими мудростями вѣка сего.

Твердо вѣря въ незыблемость святаго Писанія, но въ тоже время по необходимости прислушиваясь къ рѣчамъ уважаемыхъ мною лицъ на темы современныя, въ особенности при разрѣшеніи либерально-философскихъ вопросовъ я становился въ тупикъ, невольно колебался и путался. Моему незрѣлому и неразвитому уму приходилось разъ навсегда разрѣшить вопросъ: вѣрить-ли въ авторитетъ свящ. Писанія или въ авторитетъ науки? Въ

душѣ былъ разладъ моихъ духовныхъ стремленій со стремленіями окружаю- щей меня интеллигентной семьи, съ которой приводилось считаться. Не давая себѣ отчета, я не вѣрилъ въ эту идею, часто приводимую въ со- временномъ передовомъ обществѣ, что въ концѣ концовъ прогрессъ побѣдитъ тьму невѣжества, все тайное сейчасъ будетъ раскрыто научными изслѣдова- ніями, наука будетъ владѣть ключемъ всѣхъ знаній, для ума человѣческа- го ничего не будетъ непонятнаго и непостижимаго, что мечты социалистовъ\*) осуществятся, настанутъ наконецъ дни общаго земного благополучія и во- дворится желанный идеальный порядокъ вещей.

Между тѣмъ, такіа фантастическія идеи и несбыточныя мечты пропо- вѣдуются въ современномъ обществѣ, невѣрующемъ въ могущество Творца Вселенной, Котораго признаютъ даже дикіе народы, стоящіе на низшей ступени развитія; повторяю, лишь въ томъ современномъ обществѣ, которое не вѣритъ въ будущую загробную жизнь и въ ожидающее человечество мздовоздаяніе, а стремится все оплошлить, принизить, видѣть во всемъ одну матерію, вещество, а не духъ. Здѣсь я долженъ сдѣлать оговорку, что двоюродныя сестры, занимавшіяся со мною до поступленія въ гимназію, на урокахъ Закона Божія старались вложить въ мою отроческую душу понятія о чистотѣ, правдѣ, страхѣ Божіемъ и любви къ ближнимъ. Крѣпко за- печатлѣвшія въ моемъ сознаніи понятія эти послужили фундаментомъ для созиданія моей нравственной личности и руководящей нитью на жизненномъ пути, за что я и питаю и вѣчно буду питать неизмѣнную благодарность къ моимъ благодѣтелямъ. Затѣмъ, когда я сталъ постарше и могъ созна- тельно смотрѣть на окружающее, мои ученыя руководительницы иногда до- пускали въ бесѣдахъ со мною или съ другими въ моемъ присутствіи нѣ- которую свободу въ разсужденіи о предметахъ религіозныхъ и обществен- ныхъ. Но умъ мой, благодареніе Провидѣнію, оказался неподвижнымъ къ воспріятію прогрессивныхъ идей, благодаря глубокой вѣрѣ въ то, что по слову Божественнаго Спасителя, все пройдетъ, но ни одна іота изъ словъ Его не преидеть. Что касается преподаанія мнѣ первоначальныхъ свѣдѣній, требуемыхъ установленной программой для поступленія въ гимназію, то благодаря усидчивымъ трудамъ моихъ благодѣтельницъ, въ два года изъ сельскаго грубоватаго невѣжественнаго парнишки, я превратился въ мальчи- ка, съ успѣхомъ конкурировавшаго со своими столичными сверстниками и

\*) Соціалистъ—человѣкъ, стремящійся водворить равное распредѣленіе земли, богатства и труда.

блестяще, не смотря на свои посредственные способности, сдать экзамены въ первой классъ третьей С.-Петербургской гимназіи.

Въ нашей гимназіи законоучителемъ былъ магистръ богословія, нынѣ протоіерей Вѣтвеницкій, членъ общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ народъ и членъ другихъ подобныхъ полезныхъ обществъ. Предъ нимъ, на духу я излилъ свои нужды и печали и получилъ совѣтъ усердиѣе молиться Богу, стараться соблюдать его заповѣди и ежедневно прочитывать хотя по одной главѣ изъ Евангелія. Все это я сталъ исполнять въ точности и съ большой охотой. Божественная книга оказала на меня свое благотворное вліяніе. Только теперь я вполне ясно понялъ и увѣровалъ, что весь законъ и пророки и цѣль нашей жизни заключаются въ любви къ Богу всею душою, всею крѣпостію, всемъ разумніемъ и всемъ сердцемъ и въ любви къ ближнему, какъ самаго себя. Но вотъ вопросъ, какъ осуществить, какъ примѣнить въ жизни этотъ законъ? Въ окружающихъ мало видишь благочестивыхъ примѣровъ, хотя-бы слабаго исполненія этого закона. Старшіе въ семьѣ категорически заявляютъ: „по Евангелію жить нельзя“, а нѣкоторые осмѣливаются даже екеитически относиться къ священному Писанію. Опровергнуть ихъ рѣчи я былъ не въ силахъ, такъ какъ не былъ достаточно освѣдомленъ и начитанъ по предметамъ вѣры и религіи. Вотъ и стоишь бывало пораженный противникомъ, печально опустивъ голову, глубоко оскорбленный за свою поруганную искреннюю вѣру въ Высшую Правду и въ грядущую въ будущемъ побѣду добра надъ зломъ. Но такого поруганія надъ отроческими или юношескими вѣрованіями мало; за поруганіемъ незамѣтно слѣдуетъ и другое зло. Послѣ того, какъ наслушался заявленій атеистическаго характера отъ лицъ авторитетныхъ, на самомъ днѣ, души остается какой-то мутный, грязный осадокъ, гнойный запахъ котораго вредоносно вліяетъ на дальнѣйшія религіозныя думы и пожеланія, зарождающіяся въ мятущейся душѣ.

Въ мучительныхъ исканіяхъ истины, въ неполученіи ясныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ на запросы ума и души, что дѣлать и какъ снастись, такъ какъ дѣло моего спасенія и нравственнаго усовершенствованія, по моему мнѣнію, совсѣмъ не подвигалось впередъ, а стояло на точкѣ замерзанія, я потихоньку, въ числѣ среднихъ учениковъ переходилъ изъ класса въ классъ (оставался на второй годъ въ третьемъ классѣ), и дотянулъ, наконецъ, до окончанія курса гимназіи. Помню въ седьмомъ классѣ какія-то школьныя или домашнія непріятности глубоко опечалили и разстроили меня. Послѣ этого ночью я со слезами на глазахъ неотступно сталъ просить

Бога, Его Пречистую Матерь и святыхъ угодниковъ указать цѣль жизни и способъ, какъ жить для достиженія этой цѣли. Молился я довольно долго при свѣтѣ луны въ тиши ночной и рѣшилъ, что тѣ мысли, какія мнѣ западутъ въ голову, я запишу на бумагу и буду имъ слѣдовать развѣ навсегда.

Что-бы скрыть отъ домашнихъ тайну моего ночного молитвеннаго бдѣнія, я записалъ то, что утвердилось послѣ молитвы въ моемъ сознаниі, на латинскомъ языкѣ, именно вотъ что: 1) Люби Бога, 2) Люби ближняго, 3) Цѣль жизни—рай послѣ смерти, 4) Цѣль жизни—трудъ, 5) Одинъ человѣкъ собственными усиліями не можетъ исполнить заповѣдей Божіихъ, а потому долженъ какъ можно усерднѣе молиться Богу, что-бы Онъ помогъ ему, 6) Жизнь раздѣлена на моменты, именуемая временемъ,—каждый моментъ молись, все время трудись, 7) Сначала это будетъ трудно, потомъ привыкну. Нужно только неизмѣнно слѣдовать этому и тогда такое постоянство будетъ подобно постоянству законовъ природы, 8) Людямъ Богомъ даны разныя способности—однимъ въ большей, а другимъ въ меньшей степени; спросите съ нихъ не въ одинаковой степени.

Теперь я, кажется долженъ былъ-бы быть вполне доволенъ. Но когда я принимался порывами жить по цѣли, т. е. другими словами работать Господу, то исполненіе перечисленныхъ заповѣдей показалось мнѣ очень труднымъ, а самое оружіе для достиженія успѣха въ этомъ святомъ дѣлѣ, для меня было почему-то слишкомъ тяжело, не по плечу, не по силамъ. Но что-же дѣлать? Болѣе искать нечего. Путь извѣстенъ. Только неизмѣнно и постоянно исполняй предписанное Великимъ Врачемъ и исцѣлишься и не погибнешь во вѣкъ. Далѣе искушать безцѣльными просьбами Господа Бога грѣшно—можно вѣдь и прогнѣвать Его.

Вотъ какими приблизительно мыслями было наполнено мое духовное существо въ моментъ окончанія мною курса въ гимназій.

Явное несогласіе въ религіозныхъ взглядахъ моихъ съ мнѣніями по этому предмету моихъ благодѣтелей и проиходившія на этой почвѣ столкновенія, заканчивавшіяся съ моей стороны, въ виду особыхъ моихъ отношеній къ нимъ, молчаніемъ, принудили меня покинуть ихъ домъ оказывавшій мнѣ пріютъ въ теченіи 11 лѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выйти изъ постоянной опеки ихъ и очутиться нежданно негаданно на совершенной свободѣ. Впрочемъ на прощанье я послушался ихъ и рѣшилъ продолжать дальнѣйшее образованіе, хотя и безъ особаго на то призванія, въ университетѣ.

Съ самыми неопредѣленными мыслями и мечтами о дальнѣйшей своей земной карьерѣ, при совершенно нерѣшительности ума и дряблага характера, я очутился въ провинціальномъ университетскомъ городѣ, нѣкогда столицѣ татарскаго царства и поступилъ на медицинскій факультетъ.

При выборѣ факультета я руководствовался не какими либо личными соображеніями матеріальнаго свойства, а имѣлъ въ виду выбрать только тотъ факультетъ, который-бы далъ мнѣ впоследствии возможность какъ можно болѣе принести пользы ближнимъ, а такой факультетъ, по моему мнѣнію, былъ медицинскій. Сама по себѣ медицина и сестры ея другія естественныя науки меня, задавашагося высшими цѣлями жизни, мало интересовали. Анатомія показалась на первыхъ порахъ мнѣ довольно скучноватой. Кромѣ того, видъ въ анатомическомъ театрѣ разлагающихся труповъ, съ которыми въ будущемъ предстояла возня, разносимый ими смердящій зловонный запахъ, практическія знанія въ преваровочной съ окончностями труповъ—все это мало вдохновляло къ работѣ. Мечталъ я по окончаніи курса медицины окончить курсъ духовной академіи и затѣмъ отправиться миссіонеромъ къ инородцамъ въ дебри Сибирской тайги и тундры. Но мечты мои оказались мечтами. И невольно приходится воскликнуть съ поэтомъ: „мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?!“ Не смотря на всѣ неудачи, я продолжалъ лелѣять въ душѣ идеалы, полныя самоотверженія. Не ослабѣвалъ въ стремленіи выполнить въ жизни задачи, на которыя я самъ напросился и которыя мнѣ какъ бы указаны свыше. Между тѣмъ, онѣ какимъ-то суровымъ призракомъ выглядывали на меня изъ за мрачной завѣсы будущаго.

Медицина была мнѣ не по нутру, а при такихъ условіяхъ заниматься невозможно. Матеріальныя средства мои истощились и я почувствовалъ какое-то переутомленіе. Къ Высшей Помощи среди сутолоки безпокойной студенческой жизни я почти не прибѣгалъ, незамѣтно для себя сливаясь съ окружающей студенческой средой, безразлично относящейся къ религіи. Вмѣсто того, что-бы изучать студенческую жизнь съ положительной стороны, т. е. ихъ научныя занятія, я знакомился съ отрицательными сторонами студенчества, а это пагубно во всѣхъ отношеніяхъ. Однимъ словомъ, я проявилъ полную неуравновѣшенность натуры, результатомъ чего было оставленіе мною медицинскаго факультета. Физическій недостатокъ мой—заканіе, приносившій мнѣ не мало затрудненій и принимавшій иногда тяжелую форму, не позволялъ моимъ мыслямъ остановиться на юридическомъ и филологическомъ факультетахъ, гдѣ приходится часто выступать въ роли



оратора или лектора. Въ моемъ распоряженіи остался одинъ физико-математическій факультетъ, въ которомъ я избралъ отдѣленіе чистой математики. Въ гимназій я любилъ этотъ предметъ и подолгу и не безъ успѣха занимался имъ, что и выразилось отличными отмѣтками въ моемъ аттестатѣ зрѣлости. Но все это давалось не легко, и послѣ усиленнаго труда. А между тѣмъ настоящій математикъ долженъ непременно имѣть на то природныя способности.

Избранію мной этого факультета содѣйствовало еще и то побочное обстоятельство, что много лучшихъ математиковъ, какъ извѣстно изъ исторіи, были французскіе аббаты или монахи. Слѣдовательно, занятія чистой отвлеченной математикой не мѣшали служенію Богу и другимъ религіознымъ занятіямъ. Сами же по себѣ математическія знанія, если бы я ими овладѣлъ въ совершенствѣ, казалось мнѣ, не могли бы для ближнихъ принести той пользы, какъ медицина, и вообще плодотворность дальнѣйшей моей дѣятельности казалась мнѣ гадательной, еле свѣтящимся огнемъ какого-то тусклаго фонаря среди туманной осенней ночи. Однимъ словомъ, занятія высшей математикой показались мнѣ слишкомъ сухими. Въ концѣ концовъ я разочаровался въ своей способности къ воспріятію высшихъ наукъ, или, выражаясь языкомъ семинаристовъ „убоялся бездны премудрости“, впалъ въ уныніе, забылъ божественные глаголы и иначе сталъ посѣщать кружки веселящейся студенческой молодежи, употребляющей почти все свободное время, котораго у него не мало, въ служеніи удовольствіямъ и человѣческимъ слабостямъ. Мнѣ при этомъ припоминается одинъ случай, когда я впалъ въ діавольскую прелесть. Послѣ дурно-проведенной ночи, на слѣдующій день наступила реакція съ ея неизмѣнными спутниками—угрызеніемъ совѣсти и раскаяніемъ, которыя были особенно тяжелы при избранныхъ мною правилахъ жизни.

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ я всталъ на колѣни и началъ усиленно молить Бога о прощеніи и о помощи для моего исправленія. Въ это время у меня мелькнула въ головѣ мысль: молись, какъ можно усерднѣе, не переводя дыханіе, прекрати совѣмъ дыханіе, умри на молитвѣ и этимъ ты заразъ все исполнишь, не придется тебѣ страдать и маяться долгіе годы. ты за одинъ разъ, выстрадаешь, спасешься и попадешь въ рай.—Подъ шопоть этихъ льстивыхъ діавольскихъ рѣчей, которые я въ самообманѣ счелъ за вдохновеніе свыше, съ напряженіемъ продолжалъ изъ всѣхъ силъ задерживать дыханіе. Наконецъ, у меня появилась сильная рѣжущая боль въ груди и я невольно громко закричалъ отъ нея. Воздухъ ворвался въ

легкія и всё мои усилія пропали даромъ: нужно было начинать операцію сначала. Между тѣмъ, приближали на крикъ мой сосѣди — студенты, выломали двери и нашли меня распростертымъ на полу, при чемъ по объясненію ихъ изо рта у меня выходилъ очень сильный запахъ углерода. Это я объясняю сдерживаніемъ дыханія. Свѣжій притокъ кислорода я не допускалъ въ легкія, а имѣвшійся тамъ въ запасѣ, хотя и въ небольшомъ количествѣ кислорода, отъ слабаго дыханія спорѣлъ и обратился въ углеродъ. Нѣскольکو дней я чувствовалъ непріятный запахъ угля во рту, а на груди у меня видѣлись два большихъ красныхъ пятна. — При появленіи неожиданныхъ гостей сосѣдей, я всталъ съ полу, въ изнеможеніи легъ на кушетку, и хорошенько самъ не понимая что со мною творится, объяснилъ имъ этотъ случай со мной отъ покушеніемъ на религиозное самоубійство и для чего-то просилъ ихъ не сообщать полиціи. Очевидно и тутъ Господь не пожелалъ смерти грѣшнику и во время простеръ мнѣ руку помощи. Не будь тутъ, по близости людей эта дьявольская предель могла очень печально окончиться для меня, или навсегда надломить здоровье. Слава, Господу, Промыслителю о насъ, слава!

Видя, что отъ моего пребыванія въ университетѣ нѣтъ никакого толка, я возвратился въ свой родной губернской породѣ и поступилъ на службу сначала въ частное учрежденіе, а затѣмъ въ казенное по канцеляріи. Монотонную и отчасти сухую канцелярскую работу я не безъ цѣли выбралъ потому, что она не мѣшала жить по моимъ правиламъ.

Угрызеніе совѣсти отъ томъ, что я часто схожу съ пути праваго, что я не сдѣлалъ еще ни одного шага на немъ къ достиженію царства небеснаго, наконецъ трудность удерживать въ головѣ постоянно цѣликомъ всё мои правила жизни — заставили меня снова обратиться со слезной мольбой къ Господу Нашему Иисусу Христу, Владычицѣ Нашей Богородицѣ, и всемъ святымъ — указать мнѣ о чемъ мнѣ молиться каждый моментъ и что прежде всего дѣлать. Я снова рѣшилъ, что та мысль, которая придетъ мнѣ послѣ молитвы, будетъ отвѣтомъ на мое прошеніе. И вотъ въ мысленномъ сознаніи моемъ встала молитва мытаря: „Боже, Милостивъ буди грѣшному“. — Эту молитву твори постоянно и неизмѣнно и этимъ ты выступишь все и болѣе отъ тебя ничего не требуется.

Такъ описалъ покойный въ запискахъ свою жизнь въ средней и высшей школѣ до поступленія на казенную службу. Если внимательно взглянуть въ характерныя моменты его жизни, то прійдемъ къ тому заключенію, что во всемъ этомъ есть что-то далеко не случайное, что-то не исповѣди-

мое, подготовляющее къ высшей опредѣленной цѣли. Его благочестивая душа временами при видѣ дождя, падающаго съ неба, при видѣ нивъ и полей взывала съ поэтомъ мыслителемъ: „О, Боже, Ты для родины моей даешь тепло и дождь—дары благіе неба; но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей, ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба“. Его душа жаждала хлѣба вѣчнаго, живаго, духовнаго, послѣ котораго уже не взалчетъ снова человѣкъ. Однажды ему пришлось видѣть наглядное проявленіе любви къ Богу съ любовію нашей къ ближнему. Этотъ кругъ представляющій весь міръ; въ серединѣ его точка—это Богъ; отъ окружности приближаются линіи къ центру и одновременно сближаются между собой. Такъ и въ жизни нашей, чѣмъ ближе будутъ сходиться люди другъ съ другомъ по любви, тѣмъ ближе они будутъ становиться къ Богу. Послѣ этого у него явилась новая рѣшимость любить ближняго, какъ самого себя и приучать себя къ труду, дабы доставалась часть труда и на долю ближнихъ. На этотъ разъ, также не безслѣдно осталось у него на душѣ гдѣ-то со вниманіемъ прочитанное слово поэта:

„Если ты обездоленъ людьми и судьбой,  
Если горе къ тебѣ залетѣло,  
Если тяжкій недугъ, присосавшись змѣей,  
Какъ огнемъ изсушилъ твое тѣло;  
Если нѣтъ отъ тоски тебѣ сна по ночамъ,  
Если трудъ твой въ рукахъ не спорится,  
Приходи въ монастырь приложиться къ мощамъ,  
Приходи въ монастырь помолиться!“

У него временами являлась мысль побывать въ монастырѣ—помолиться, но то усиленные занятія по службѣ, то недостатокъ матеріальныхъ средствъ, то иное что такъ и не дали возможности привести въ исполненіе свое душевное влеченіе. Не мало мѣшало исполнить благое намѣреніе чтеніе современныхъ книгъ и газетъ, въ которыхъ слышалось одно глумленіе, одни ожесточенные нападки, одно поношеніе надъ аскетизмомъ и монашествомъ. Но это мнѣніе либеральной печати, хотя охлаждало его душевные порывы, но внутренний голосъ ему говорилъ: для христіанства необходимъ идеальнѣйшій аскетическій подвигъ, это постоянное самовоспитаніе, самоотреченіе, самоограниченіе, откаль отъ удовольствій и радостей міра. Онъ также видѣлъ, что высшее священноначаліе находится въ рукахъ тѣхъ, которые имѣютъ монашеское званіе, этотъ высшій христіанскій подвигъ, а также и исторія говоритъ, что большинство святыхъ изъ людей бывшихъ иноками. Вращаясь

среди общества всѣхъ сословіи, не могло отъ него внимательнаго взора укрыться, то явленіе, что то общество которое глубже нравственно пало, ожесточеннѣе одѣлаетъ нападки на монашество, стараясь правдой и неправдой уронить авторитетъ монашества въ глазахъ народа, а тѣмъ самымъ преградить путь къ подвижничеству и ипоскорѣе испровергнуть церковь. Отъ дѣльныхъ лицъ изъ общества, по неосторожности, при немъ сами проговаривались: съ паденіемъ монашества — падеть православіе, а съ паденіемъ православія падеть и патріотизмъ, столь ненавистный безбожнымъ нравственно падшимъ людямъ. При такомъ сильномъ душевномъ волненіи проходили у Василія Антоновича дни за днями при службѣ въ Окружномъ Судѣ. Онъ писалъ объ этихъ дняхъ съ сердечной болью: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“, сталъ я твердить постоянно, что одѣлалось на душѣ у меня легко и свѣтло. Молитва эта спасла меня отъ многихъ увлеченій и соблазновъ, въ душѣ водворился миръ, и духовно я какъ-бы выросъ, сталъ благоразумнѣе. Да и дѣла по службѣ пошли какъ-то успѣшнее. Никакой трудъ для меня не былъ тяжелъ. Начальство, сослуживцы и курьеры удивлялись моей усидчивости и терпѣнію, меня же это весьма стѣсняло, но я часто благодарилъ Господа, помогающаго мнѣ. Разъ былъ такой случай, который судейцы признали рѣдкимъ даже для всей Россіи.

Въ гражданское отдѣленіе Пермскаго Окружнаго Суда поступило въ три дня 2164 прошенія изъ Вятской губерніи съ предъявленіями исковыхъ требованій къ дворянину Поклевскому-Козелю, котораго Пермскій Окружный Судъ объявилъ несостоятельнымъ должникомъ. Искъ предъявили рабочіе, служившіе на заводахъ несостоятельнаго, и понесшіе убытки въ виду закрытія заводовъ Поклевскаго. Мой столъ завѣдывалъ уѣздами: Соликамскимъ, Чердынскимъ и Кунгурскимъ и дѣлами, въ которыхъ мѣстожителство отвѣтчиковъ — внѣ раіона Пермскаго Суда, за границей или совсѣмъ неизвѣстно. Такія дѣла носили въ Судѣ техническое названіе „иностранныхъ“. Такъ какъ Поклевскій гдѣ-то скрывался, то дѣла эти причислили къ „иностраннымъ“ и Предсѣдатель суда направилъ всѣ ихъ въ мой столъ. Принявъ въ столъ неожиданно сразу такую массу дѣлъ, и имѣя только одного помощника, я невольно смутился. Въдь столько дѣлъ поступаетъ во все гражданское отдѣленіе въ теченіе всего года, а тутъ въ три дня я принялъ въ одинъ столъ. Дали мнѣ еще спеціально двухъ помощниковъ, и съ Божіей помощію, работа закипѣла! Всѣ 12 членовъ суда съ г. Предсѣдателемъ писали опредѣленія, я постепенно разсылалъ каждому изъ нихъ по

50 дѣлъ. Послѣ энергичныхъ усилій черезъ восемь мѣсяцевъ вся эта работа была окончена. Казанская Судебная Палата получивъ отчетъ о дѣятельности суда за этотъ періодъ времени была въ свою очередь изумлена такимъ необычайнымъ поступленіемъ дѣлъ и сдѣлала запросъ суду. Правда дѣла эти были шаблонныя и разрѣшены они были болѣе упрощеннымъ способомъ и повторяю, дружными усиліями всѣхъ членовъ суда, но все таки очень много лишней работы выпало на долю завѣдывающаго столомъ помощника секретаря“.

Усердіе къ дѣлу у Василія Антоновича было необычайное. Не рѣдко онъ ночи просиживалъ за дѣломъ, а кромѣ служебныхъ обязанностей, онъ бралъ уроки готовить дѣтей для поступленія въ учебныя заведенія или мало развитыхъ, тѣмъ самымъ хотя въ малой долѣ оправдывая свое намереніе и желаніе служить чѣмъ можетъ ближнимъ.

*Игуменъ Серафимъ.*

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

## IX.

### Историческій актъ въ Пермскомъ „Романовскомъ“

### Епархіальномъ женскомъ училищѣ.

27-го января 1914 года явилось глубокознаменательнымъ днемъ въ жизни Пермскаго Епархіальнаго женскаго училища. Въ этотъ день Преосвященнѣйшій Палладій, епископъ пермскій и соликамскій, прибывъ въ училище, въ активномъ залѣ, въ присутствіи училищной корпораціи и всѣхъ воспитанницъ училища, торжественно объявилъ полученный имъ Указъ Святѣйшаго Синода о Высочайшемъ соизволеніи Государя Императора на присвоеніе Пермскому Епархіальному женскому училищу наименованія „Романовскаго“ по случаю исполнившагося въ минувшемъ году 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ. — Владыка поздравилъ воспитанницъ и корпорацію училища съ такою Монаршею милостью, послѣ чего воспитанницами исполненъ былъ гимнъ „Боже, Царя храни“ и „Славься, славься“. Г. Начальница училища М. В. Первушина выразила Его Пресвященству глубокую благодарность за его постоянную любовь къ училищу,

## VIII.

Пути промысла Божія въ жизни скитскаго  
насельника.\*)

(В. А. Макуринъ. † 9 февраля 1914 г.).

*(Продолжение).*

Постепенно духовное настроеніе молодого чиновника стало охладѣвать въ житейской суетѣ. Окружающая среда незамѣтно для самого себя разсѣивая его духовное настроеніе, одиночество, мало по малу стала представляться ему скучнымъ... Родные совѣтовали ему жениться и уже избрали хорошо извѣстную невѣсту, повидимому сродную ему по духу—вдову умершаго священника и Василій Антоновичъ вступаетъ въ законный бракъ...

Объ этомъ новомъ для него жизненномъ моментѣ онъ писалъ: „Мнѣ стали приходиться въ голову помыслы о женитьбѣ. Въ помыслахъ этихъ я не находилъ ничего предосудительнаго и мнѣ казалось, что благоразумная женитьба на благочестивой особѣ только утвердитъ меня въ принятыхъ на себя благочестивыхъ задачахъ жизни. Въ головѣ возставалъ цѣлый рядъ живыхъ образовъ угодниковъ Божіихъ изъ священной исторіи вѣтхаго и новаго завѣта, которые были женаты, но тѣмъ не менѣе спаслись. Кстати и выборъ невѣсты не представлялъ никакихъ затрудненій. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ уже всѣ мои родные, старшіе меня возрастомъ и болѣе богатые житейскимъ опытомъ, съ нѣкоторымъ постоянствомъ, совѣтовали жениться на одной вдовѣ священника, принадлежавшей къ очень почтенному и уважаемому семейству. Кромѣ того, между этимъ семействомъ и нашей семьей велись старинныя дружественныя связи. Отцы наши учились вмѣстѣ въ имѣніи Всеволожскихъ, близъ Петербурга, и были друзьями, а дѣды не только были связаны узами дружбы, но ихъ звали братьями за одинаковыя отечества. Братъ невѣсты былъ моимъ товарищемъ по университету. Будучи увѣренъ, что совѣты моихъ родныхъ исходятъ изъ добрыхъ пожеланій, имѣя въ виду, что невѣста при ближайшемъ знакомствѣ произвела на меня доброе впечатлѣніе и принимая во вниманіе все вышеизложенное, я официально сдѣлалъ предложеніе, получилъ согласіе, вступилъ въ бракъ и во-

\*) Смот. „Голосъ Долга“ 1914 г. № 3.

шелъ на жительство въ домъ тещи. Черезъ годъ—4 января 1894 года у меня родился сынъ Константинъ\*). Считаю рожденіе это за особый даръ Божій, я въ умѣ своемъ посвятилъ этотъ даръ Богу-же, не находя себя въправѣ распоряжаться имъ по своему личному земному усмотрѣнію и твердо рѣшилъ воспитать сына въ страхѣ Божіемъ и въ правилахъ православной вѣры, полагаясь во всемъ на волю Божию“.

На бракъ покойный смотрѣлъ, какъ, на великую тайну и великій союзъ мужа и жены, являющійся изображеніемъ святѣйшаго союза Иисуса Христа съ Церковію, т. е. съ вѣрующими въ Него: „Какъ мужъ есть глава жены, такъ Христосъ есть глава Церкви“ (Ефес. 5, 23). Какъ женихъ и невѣста въ бракъ вѣнчаются въ плоть едину, такъ и Христосъ и Церковь его—также едино тѣло: ибо истинно вѣрующіе въ Него суть „члены Его отъ плоти Его и отъ костей Его“ (Ефес. 5, 30). Такое важное значеніе онъ видѣлъ въ бракѣ. Слово Апостола: „тайна сія велика есть“ (Еф. 5, 32), заставляло его много и долго размышлять... Онъ надѣялся въ этой жизни при помощи своей жены, какъ ближайшей спутницы жизни, выполнить свои душевныя замыслы, непрестанно совокупными силами достигать царствія Божія, возбуждая другъ друга къ любви Божіей и горнимъ благамъ и любви къ ближнему. Онъ думалъ, что теперь вступивши въ бракъ, онъ сильнѣе будетъ ощущать небесное отечество, считать себя на землѣ странникомъ и пришельцемъ, дорожить временемъ и употреблять оное на дѣла правды, для утвержденія и усовершенствованія въ добродѣтели, для спасенія души исполняя завѣтъ Апостола: „Искупующе время, яко дніе лукави суть“ (Ефес. 5, 16). Но эти мечты остались одними мечтами... Жизнь пошла обычнымъ путемъ не лишенная треній и взаимнаго недовольства.

По службѣ и въ чинахъ Василій Антоновичъ двигался, какъ чиновникъ. Онъ былъ уже въ чинѣ Коллежскаго Ассесора. Супруги видимо убѣжденіями и взглядами не сошлись, а послѣ этого само собой, все задуманное падаетъ и семейный очагъ вмѣсто радости и душевнаго покоя приноситъ скорбь и подавленное душевное состояніе. Такъ по видимому случилось и здѣсь. Не будемъ заглядывать за завѣсу ихъ семейной жизни, а ограничимся его личнымъ воспоминаемъ о девятилѣтнемъ періодѣ жизни въ бракѣ и оставленіи имъ семейнаго очага.

\*) Имя дано въ честь одного изъ мучениковъ—отроковъ Ефескихъ, память 4 августа и 22 октября.

„Девять лѣтъ совмѣстной супружеской жизни“, пишетъ онъ, прошли относительно удовлетворительно; и если иногда домашній очагъ нашъ слегка дымилъ, то все это я переносилъ терпѣливо, зная, что нельзя искать счастья въ нашемъ земномъ странствованіи въ этой юдоли плача. За счастье земное насъ ждутъ вѣчныя муки, а за несчастія, скорби, плачь, при соблюденіи заповѣдей Божіихъ, вѣчное блаженство, котораго не можетъ объять и постигнуть нашъ слабый умъ. На сколько у меня хватало нравственныхъ и духовныхъ силъ, я велъ борьбу со страстями, похотьми, помыслами и вообще врагами своего спасенія, но наконецъ пришлось сложить оружіе, отдаться въ плѣнъ міродержителю тьмы вѣка сего и погибнуть на вѣки, или спастись бѣгствомъ изъ міра. Я пришелъ къ полному сознанию, что въ міру мнѣ не спастись и что я со всей семьей неминуемо долженъ пойти въ муку вѣчную. Какимъ грѣшнымъ и развращеннымъ представился мнѣ тогда міръ, сколько въ немъ лжи, коварства, обмана, кощунства, богохульства и самыхъ гнусныхъ страстей. Я совершенно потерялъ вѣру въ людей, въ добро. Мнѣ припомнилась божественная истина: „міръ во злѣ лежитъ“. Я увидѣлъ, что начинаетъ сбываться предсказаніе о томъ, что въ послѣднія предъ вторымъ пришествіемъ Іисуса Христа на землю, времена, земля, какъ моремъ, зальется беззаконіями. Какъ разъ случилось, что жена моя съ сыномъ уѣхали на долгое время въ гости. Я рѣшилъ, пользуясь ихъ отсутствіемъ, привести свое намѣреніе въ исполненіе.

Тяжело мнѣ было бросать на произволъ судьбы родныхъ существъ, къ которымъ я привыкъ и которымъ прежде всего посвящалъ всѣ свои труды и заботы, для нихъ же терпѣлъ неприятности и они составляли для меня все мое земное, конечно въ лучшемъ смыслѣ слова, утѣшеніе и надежду. Особенно горяче я любилъ сына, хотя никогда не показывалъ этого на видъ изъ страха Божія. Не оставилъ бы я семью, если-бы замѣтилъ, что домашніе мои хоть сколько нибудь сочувствовали моимъ планамъ и цѣлямъ жизни. Про сына я не говорю; онъ находился подъ вліяніемъ старшихъ. И вспомнилъ я слова Евангелія (Мат. 10, 35—36): „пріидохъ бо разлучити челоуѣка на отца своего. И врази челоуѣку домашніи его“. При такихъ условіяхъ я нравственно слагалъ съ себя всякую отвѣтственность за произвольное отреченіе отъ своихъ прямыхъ и естественныхъ обязанностей въ виду ясныхъ указаній на это въ Евангеліи и толкованій на него святыхъ отцевъ церкви. Я былъ твердо увѣренъ, что Господь не оставитъ безъ помощи семьи раба Своего, посвятившаго себя на непрестанное служеніе Ему. При иныхъ семейныхъ условіяхъ я такой



жертвы Богу, может быть, и не былъ-бы въ состояніи принести, да Любвеобильный и Всеправедный Господь и не потребовалъ бы ее, какъ это разъяснено богодухновенными толкователями Слова Божія. И такъ жребій брошенъ, Рубиконъ\*) перейденъ. Осталось рѣшить вопросъ, въ какой обители схоронить остатокъ дней своихъ. Воображеніе уже рисовало мнѣ живописные ландшафты\*\*) на горномъ берегу Волги, и ея пригокахъ, съ виднѣющимися на нихъ вѣковыми стѣнами историческихъ монастырей, но довѣряться такимъ мечтамъ, можетъ быть, навѣяннымъ по вѣчной злобѣ врага рода христіанскаго, — опасно. Въ такомъ затруднительномъ положеніи я сталъ усиленно просить Матерь Божію указать мнѣ обитель — мѣсто, куда бы я могъ уединиться. Послѣдніе три дня передъ отходомъ въ монастырь я провелъ въ зданіи Пермскаго окружнаго суда, гдѣ заканчивалъ дѣла и наединѣ молился, обдумывалъ свое положеніе и дальнѣйшую свою судьбу. Въ ночь передъ уходомъ, отдохнувъ и помолившись Богу, я рано утромъ вышелъ на улицу, чтобы пройтись и немного освѣжиться. Иду погруженный въ волнующія меня думы и стараюсь творить молитву мытаря. При этомъ меня осѣнила мысль, что Богъ меня скорбями и меланхоліей, т. е. черными мыслями наказываетъ за то, что я постоянно держу Бога въ мысляхъ, зываю: „Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному“, а страшно грѣховной привычки своей не бросаю, а именно не перестаю усиленно курить табакъ. Въ какую же клоаку нечистотъ и съ какой атмосферой я обращаю свой храмъ тѣлесный, въ которомъ присутствуетъ Духъ Святой. Вотъ за что разгнѣвался и поразилъ меня Господь и я принужденъ добровольно разорвать свой брачный союзъ. Затѣмъ какъ бы голосъ Божіей Матери на мою къ Ней молитву отвѣчалъ: „жена твоя просила меня указать тебѣ для жительства Бѣлогорскій монастырь“. Хотя это все меня изумило, но я почувствовалъ тихую радость, какое-то спокойствіе и умиленіе. Иду далѣе, весь погруженный въ созерцаніе таинственныхъ словесъ. Неожиданно тихій благовѣстъ небольшого колокола выводитъ меня изъ сосредоточенности. Осматриваюсь, — и оказывается, что я очутился недалеко отъ вратъ подворья Бѣлогорскаго монастыря. Въ храмъ этого подворья я давно хотѣлъ побывать, но какъ то все не удавалось. Теперь представился случай и свободное время посмотреть эту церковь и еще разъ помолиться Богородицѣ объ указаніи монастыря, въ онъ же

\*) Рѣка въ Италіи, которую нужно было переходить Юлію Цезарю, отправляясь на войну.

\*\*) Виды.

пойду. И снова въ моемъ сознаниі появилось ясное указаніе на путь въ Бѣлогорскій монастырь, съ нѣкоторыми молитвами, касающимися моей жены и сына. Мнѣ оставалось теперь только неуклонно слѣдовать этому указанію, хотя были помыслы, отклоняющіе меня отъ этого рѣшенія. О Бѣлой горѣ отзывы были большею частію хорошіе. Въ особенности хорошо отзывались о настоятелѣ монастыря о Варлаамѣ, его примѣрной жизни и смиреніи, его проповѣдяхъ, столь оцѣниваемыхъ богомольцами, о продолжительныхъ уставныхъ церковныхъ службахъ при прекрасномъ пѣніи, привлекающихъ массы паломниковъ изъ отдаленныхъ мѣстъ нашего отечества. Но съ другой стороны слышны были и такого рода замѣчанія, что молодой обители свойственны и нравы юности. На все эти отзывы положительнаго и отрицательнаго свойства я мало обращалъ вниманія, такъ какъ, хотя я видѣлъ нѣсколько большихъ столичныхъ и провинціальныхъ монастырей, но они меня мало интересовали, и я до самаго послѣдняго времени доказывалъ при бесѣдахъ на эту тему, что можно спастись и внѣ монастыря и даже женатому.

Теперь ужъ разсуждать много не приходилось, а возблагодари Господа Бога и Его Пречистую Матерь и отправляйся по указанному пути.

10 іюля 1904 года, въ 4 часа дня, не заходя домой, въ костюмѣ болѣе пригодномъ для гулянія въ общественномъ саду, чѣмъ для далекаго путешествія, не торопливой походкой, творя молитву мытаря, съ рѣжущей болью въ сердцѣ покинулъ я городъ, гдѣ оставилъ все мои печали, но и все радости. Страшно дорогъ мнѣ показался этотъ городъ въ минуту ухода изъ него. Я вспомнилъ поговорку римлянъ\*): я—человѣкъ, и все человѣческое мнѣ не чуждо. Каждый шагъ все болѣе и болѣе отдалялъ меня отъ мѣстъ и лицъ, которые сдѣлались для меня теперь только столь дорогими.

При дальнѣйшемъ путешествіи горестное чувство стало постепенно смѣняться радостнымъ, чему способствовалъ видъ іюльской ликующей, при хорошей погодѣ, природы. „Возверзи печаль твою на Господа“, вспомнилъ я слова псалмопѣвца и почувствовалъ, что съ моихъ плечъ спала цѣлая гора всяческихъ заботъ и тревогъ, а въ грудь стало вливаться ощущеніе какой-то безграничной свободы и я возблагодарилъ Господа, благодѣющаго мнѣ. Просидѣвъ около пятнадцати лѣтъ въ казенныхъ зданіяхъ—этихъ громадныхъ каменныхъ ящикахъ, видя передъ глазами по цѣлымъ днямъ и часамъ только крыши сосѣднихъ зданій, да верхушки деревьевъ такъ какъ природу приводилось наблюдать лишь въ видѣ городского садика и то во

\*) Древній народъ, поселившійся въ Италіи (на югѣ Европы).

время прохода чрезъ него изъ дома на службу и обратно, — я вдругъ сдѣлался свободнымъ сыномъ полей и лѣсовъ. Съ цѣлью продленія удовольствія, я умышленно замедлялъ свое путешествіе и нарадоваться не могъ, что кончился наконецъ для меня этотъ длинный канцелярскій постъ, состоящій въ лишеніи созерцанія природы и участія въ ея весеннемъ и лѣтнемъ праздникѣ и сознаніи ежеминутной отвѣтственности за каждую малость. Впереди меня ждала еще иная неизвѣданная свобода, — это свобода отъ страстей, отъ рабства діаволу, отъ рабскаго поклоненія свѣтскимъ обычаямъ, приличіямъ, разнаго рода китайскимъ церемоніямъ, модѣ и другимъ благоглупостямъ, сошедшаго съ истиннаго пути, ослѣпленнаго любостыжаніемъ, зараженнаго невѣріемъ, гордостію, ложью и, ни на чемъ не основанномъ, самоувѣніемъ современнаго человѣчества. Правда, на совѣсти моей все еще всплывали заботливыя мысли о дальнѣйшей судьбѣ домашнихъ, но ихъ смѣняла надежда на сильную помощь Божию. Припоминалось слово Божіе о томъ, что нѣтъ праведника, у котораго потомство просило милостыню. И такъ прежде всего нужно позаботиться о праведной жизни въ монастырѣ, думалъ я, т. е. исполнять волю Божию, а не свою.

12 іюля, часа въ 2 дня передъ моими глазами издали показались очертанія церкви и большого царскаго креста Бѣлой горы. Я поблагодарилъ Господа, приведшаго меня къ благополучному концу паломничества. Наконецъ, я подошелъ къ подошвѣ горы и меня встрѣтила роскошная разнообразная растительность, украсившая ея склоны. Бальзамическій \*) воздухъ, испускаемый деревьями, благотворно дѣйствовалъ на легкія. Когда же я поднялся на вершину горы, то окончательно пришелъ въ восторгъ отъ той панорамы, которая предстала предъ моими восхищенными взорами. Давнымъ давно я не видалъ такой красоты природы, и не подозревалъ, что ландшафтъ, открывающійся съ Бѣлой горы, такъ хорошъ. При этомъ мнѣ припоминались такія же величественныя картинки природы сѣверной Америки съ ея льяносами <sup>1)</sup>, сільвасами <sup>2)</sup> и пампасами <sup>3)</sup> и очертаніями вдали „Голубыхъ горъ“, оставшіяся и запечатлѣнныя въ моемъ воображеніи при чтеніи поэтическихъ разсказовъ американскихъ, французскихъ и англійскихъ писателей. Такая великолѣпная картина природы заслуживаетъ вниманія не только богомольцевъ и странниковъ, но и туристовъ и каждому пермяку не мѣшало бы съѣздить на Бѣлую гору, что бы только полюбоваться этимъ

\*) Цѣлебный.

<sup>1)</sup> <sup>2)</sup> <sup>3)</sup> Громадныя пространства и площади, покрытыя травой и лѣсомъ.

видомъ, не говоря уже о пользѣ для души отъ паломничества. Въ теченіи цѣлаго года я не могъ безъ восхищенія смотрѣть на дивную панораму, открывающуюся съ Бѣлой горы. Зимой же сама по себѣ Бѣлая гора временами принимаетъ такой красивый видъ, что, какъ говорится, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Это бываетъ въ ясные солнечные дни послѣ вѣтряной снѣжной погоды, когда обильная растительность, покрывающая склонъ горы, одѣнется въ свой зимній чудный фантастическій нарядъ съ серебристыми и золотистыми отливами: сами по себѣ деревья принимаютъ причудливыя формы или очертанія какихъ-то сказочныхъ богатырей или великановъ. Иногда кажутся они какими то чудными необыкновенной красоты башнями и все это залито лучами зимняго солнца, отражающагося въ снѣжинкахъ мириадами огоньковъ—этихъ брилліантовъ нашей сѣверной красавицы зимы. Такого густого слоя зимняго покрова я никогда не видалъ, живя въ Петербургѣ, Казани и Перми и такихъ великолѣпныхъ снѣжныхъ фантастическихъ фигуръ—работы вѣчнаго художника природы ранѣе не встрѣчался. Я сдѣлалъ сейчасъ описаніе чудныхъ одѣяній Бѣлой горы, въ которыя облачаетъ ее временами „волшебница зима“, одѣяніе это, какъ серебристая риза вполне оправдываетъ названіе горы. Но если смотрѣть на эту зимнюю картину горы съ благочестивыми думами и помысленіями о будущей загробной жизни, то эти серебристыя и золотистыя необыкновенныя фигуры деревьевъ, усыпанныя миллиардами брилліантовъ отъ солнечныхъ лучей на свѣтло-голубомъ фонѣ зимняго неба—напоминаютъ нѣсколько о будущемъ раѣ, который ожидаетъ претерпѣвшихъ до конца благочестивыхъ насельниковъ горы и всѣхъ праведниковъ. Всякій въ комъ развито хоть сколько нибудь эстетическое и художественное чувство подтвердитъ, что я не сгустилъ красокъ, описывая зимнюю природу горы. Слава Богу, Вседержителю и Творцу всяческихъ, что онъ избралъ и указалъ своимъ рабамъ эту гору для устройства святой обители, богослуженія и богомыслія ея пустынножителей.

Первое время я остановился въ монастырской гостинницѣ и сталъ сразу ревностно посѣщать всѣ церковныя службы. Привыкнувъ и въ міру занимать умъ постоянной работой, и желая скорѣе избавиться отъ всѣхъ суетныхъ помысловъ, занесенныхъ мною изъ міра, я жаждалъ работы. Монастырскій уставъ мнѣ казался легкимъ, недостаточнымъ для забвенія всего прошлаго и для исцѣленія моей больной души. Жизнь въ монастырѣ мнѣ представилась на первыхъ порахъ дѣломъ не только труднымъ, но даже веселымъ. Народу много, какъ-то шумливо и какая-то суетолока,

производимая приливомъ и отливомъ богомольцевъ. Повсюду встрѣчаешь жизнерадостныя лица юныхъ питомцевъ обители—клинрошанъ, ихъ иногда безпечный дѣтскій смѣхъ; все это мало говоритъ уму и сердцу, что ты попалъ въ пустынное мѣсто покаянія, сокрушенія о грѣхахъ, слезъ и суровыхъ подвиговъ. Церковныя службы, поученія отца Игумена и личная бесѣда съ нимъ и исповѣдь, а также вообще частныя поученія на животрепещущія темы—вполнѣ подтвердили тѣ добрыя слухи объ обители, о которыхъ я говорилъ уже ранѣе. Но болѣе всего мнѣ понравилось служеніе старшаго монастырскаго іеродіакона. Правда онъ не обладалъ сильнымъ зычнымъ голосомъ и совершенствомъ пѣнія, но вся его личность, фигура, низкіе поклоны, рѣдкіе, но ясныя, смиренныя, проникающіе въ душу возгласы—все это дышало глубокимъ благоговѣніемъ и настраивало присутствующихъ, въ томъ числѣ и меня—многогрѣшнаго, на молитвенный ладъ. Этимъ я выражаю не одно свое личное мнѣніе, но и передаю слова другихъ богомольцевъ. Но самое большое духовное наслажденіе доставляли мнѣ его поученія. Сначала онъ читалъ ихъ повидимому по печатному, а затѣмъ постепенно вставлялъ цѣлыя фразы и тирады\*) отъ себя. И вотъ въ этихъ то собственно объясненіяхъ къ прочитанному затрогивались вопросы, которые интересуютъ и волнуютъ все современное общество. Въ этихъ объясненіяхъ я встрѣчалъ подтвержденіе моихъ завѣтныхъ религіозныхъ идей, а такое единомысліе благотворно дѣйствуетъ на душу. Въ міру бывало мало найдешь охотниковъ побесѣдовать на религіозную тему. Предложеніемъ объ этомъ того и гляди можешь вызвать улыбку и глумленіе надъ самыми священными предметами. Даже въ мірскихъ церквахъ рѣдко можно услышать поученіе на современныя темы. Въ большинствѣ случаевъ если и начнетъ батюшка, по предписанію начальства говорить слово, то оно часто бываетъ сухое, шаблонное и не интересное, не подогрѣтое искреннимъ чувствомъ содержанія его, самый официальный тонъ лектора, а главное неподтвержденіе личнымъ примѣромъ исполненія тѣхъ заповѣдей, о которыхъ увѣщаетъ пастырь охлаждаетъ слушателей къ увѣщаніямъ своего духовнаго отца, и результаты такой проповѣди весьма неудовлетворительны. Еще разъ повторяю, что частыя проповѣди въ Бѣлогорской монастырской церкви, сказанныя о. іеродіакономъ на современныя темы, всегда слушались съ большимъ интересомъ. Мнѣ захотѣлось ближе познакомиться съ симпатичной личностью іеродіакона, имѣющаго строгій видъ подвижника. Послѣ краткой

\*) Отрывки.

бесѣды съ нимъ, я сдѣлался его ученикомъ и духовнымъ сыномъ, при этомъ я узналъ, что, благодаря его трудамъ и хлопотамъ, въ 5-ти верстахъ отъ Бѣлой горы имъ основанъ скитъ“.

Такъ неисповѣдимые пути промысла Божія привели искателя истины въ Бѣлогорскій монастырь; гдѣ въ его душѣ совершился окончательный переворотъ. Монастырь для него сдѣлался спасительнымъ кораблемъ на бурномъ житейскомъ морѣ, ибо душа его настолько была разбита жизненными толчками, что онъ чуть-чуть не заболѣлъ тяжкимъ психическимъ расстройствомъ, и былъ уже, по настоянію близкихъ ему лицъ, нѣкоторое время въ психиатрической лечебницѣ. Кто его знаетъ, если бы онъ не пришелъ въ тихое пристанище, гдѣ нашель душевный покой, то могло быть, что онъ не выдержалъ бы дальнѣйшей борьбы и могъ попасть въ коварную ловушку діавола полный отчаянія, какъ это мы видѣли въ годы его студенчества. Въ монастырѣ онъ нашель желанный міръ въ душѣ, котораго не обрѣлъ въ мірѣ. Ни наука, ни общественное положеніе, ни мірскія удовольствія, ни, наконецъ, и самый семейный очагъ не могъ дать ему того мирнаго, душевнаго настроенія, какое дала ему пустынная обитель. Обитель для него сбившагося съ пути и блуждающаго сдѣлалась дворомъ овчимъ Небеснаго Пастыре-Начальника.

„Къ Тебѣ, о дивный Искупитель,  
Я, слабый, грѣшный человекъ,  
Сюда, въ спокойную обитель,  
Пришелъ, чтобъ стать Твоимъ навѣкъ...  
Вотъ я стою въ притворѣ храма...  
Прими-жъ заблудшую овцу,  
Возьми ее къ Себѣ на рамо  
И принеси ее къ Отцу...  
Развѣй въ душѣ весь мракъ полночный.  
Зажги въ ней свѣтлый, яркій день,  
Сорви съ меня покровъ порочный  
И въ ризу бѣлую одѣнь...  
Крещенья чистоты водами  
Меня, нечистаго, омой,  
Чтобъ я Твоими же слѣдами  
Впередъ пойти могъ за Тобой...  
Ты Самъ прошелъ весь путь страданья,  
Ты самъ тяжелый крестъ пронесъ...“

Такъ дай мнѣ Духа дарованья,  
Дай силу—съ Тобой идти, Христось!...  
Возьми меня на путь далекій,  
Возьми съ Собой и защиты:  
Вѣдь безъ Тебя я одинокій,  
Паду, сраженный на пути“...\*)

Быть можетъ, нѣкоторые ему бросаютъ упрекъ, что онъ не продолжилъ жизнь неразрывно съ семьей до гроба, обо взаимная супружеская любовь христіанская должна продолжаться до конца, а не временно; она должна быть тверда и постоянна. „Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ“. Нужно было терпѣть искушенія, скажутъ иные, до конца, стараться сходить-ся характеромъ, привычками и убѣждениями, мужественно все преодолевать. Но что же оставалось ему дѣлать, когда мужества не хватало, волны заплескивали его душевный челнокъ и онъ близокъ былъ къ потопленію? Куда было ему скрыться разбитому жизнью, потерпѣвшему кораблекрушенію въ житейскомъ плаваніи, когда у него опустились руки, упало сердце, погасло мужество? Гдѣ было ему найти водоемъ живой воды, эту живительную и спасительную влагу для истеваемой отъ жажды его души. Что было предпринять, когда бессильна оказалась человѣческая помощь? Тогда онъ какъ Петръ утопающій взываетъ: „Господи спаси меня погибаю“, и Господь не замедлилъ прийти на помощь, указалъ путь, чрезъ который онъ достигнетъ желаннаго неба. Онъ внушилъ ему примѣры преподобнаго Павла престопаго, св. Алексѣя человекъ Божія, Іоанна Кущника и другихъ, и онъ слушается этого вышшаго таинственнаго голоса. Приходится только удивляться Божію человекѣлюбію и неисповѣдимымъ судьбамъ Его Высочайшаго Промысла, какъ онъ выбросилъ утопающаго изъ пучины морской многосуетнаго, развращеннаго міра въ тихую пристань, гдѣ и освободился отъ грѣха и поработился правдѣ (Рим. 6, 18).

Здѣсь онъ яснѣ увидѣлъ міръ, лежащій во злѣ и вывелъ окончательное заключеніе, что нигдѣ, кромѣ Бога, душевнаго успокоенія онъ не найдетъ, и вся жизнь человекъ безъ Бога одна суета суетствій и всяческая суета. На Бѣлой горѣ онъ увидѣлъ во всемъ величій, умиленную, не-сказанную красоту нашей церковности и уставнаго богослуженія. Его душа затрепетала отъ умильнаго пѣнія, таяла какъ воскъ, чувствуя себя въ

\*) Т. Вѣляевъ-Посадскій.

райскомъ блаженствѣ, въ общеніи съ ангелами. Здѣсь онъ вкусивъ сладкаго душевнаго наслажденія, не захотѣлъ уже горькаго томленія отъ котораго ушелъ. Въ его душѣ какъ бы весенній цвѣтъ зацвѣла религиозная жизнь, дабы произрастить и плодъ. Безусловно, подвигъ его высокій и рѣшеніе исключительное... Онъ въ полномъ смыслѣ слова исполнилъ слова Божественнаго Учителя: „аще кто хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себѣ и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ“. Онъ шелъ ровнымъ медленнымъ шагомъ безъ сумы и хлѣба, какъ временъ апостольскихъ странникъ всецѣло вѣря въ слова Спасителя: „Не печытесь душею вашею, что ясте или что пьете, ни тѣломъ вашимъ во что облечетесь, не душа ли больше есть пищи и тѣло одежды“ (Мѡ. VI, 25). Онъ, измученный трудомъ и горемъ, а главное всегдашнимъ грѣхомъ, какъ своимъ, такъ и мировымъ, какъ жаждущая лань, стремился къ потоку водъ живыхъ. Развѣ легко было ему оставить домъ, службу, жену и горячо любимаго сына?.. Это нужно испытать, чтобы понять, сколько силъ душевныхъ, сколько любви къ Богу нужно было, чтобы рѣшиться порвать связи съ тѣми, съ кѣмъ ежилось, сроднилось сердце, съ кѣмъ связано оно крѣпчайшими узами. Онъ плакалъ горько, ибо былъ человекъ и человѣческихъ чувствъ былъ не чуждъ. Но рѣшеніе его было безповоротно. Онъ рѣшительно сказалъ самъ себѣ слово Апостола: „Се, мы оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебѣ идехомъ“ (Мѡ. XIX, 27). Я уже оставилъ все и иду безповоротно за Христомъ, Который призываетъ меня. Не даромъ у него всегда предъ глазами была сдѣлана выписка: „Гряди въ слѣдъ Мене“ (Мѡ. 19, 21). „Иже любитъ сына паче Мене нѣсть Мене достоинъ. И иже не приметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ“ (Мѡ. 10, 37—38).

Вырвавшись изъ объятій мірской суеты и лжи, душа его стремилась къ еще большему уединенію, безмолвію и понесенію трудовъ и когда онъ узналъ о существованіи пустыннаго безмолвнаго скита, находящагося въ дремучемъ лѣсу со строгимъ уставомъ, то всей душой сталъ рваться туда.

18 июля 1904 года онъ приходитъ въ скитъ на праздникъ преподобнаго Серафима, небеснаго покровителя скита. Что-же онъ здѣсь видитъ? Въ глухомъ тогда еще непроходимомъ лѣсу\*) отроговъ Урала на высокомъ

\*) Въ это время въ скитъ никакой дороги еще не было, а потому можно было до него добраться лѣтомъ по непроходимому лѣсу только пѣшкомъ.



холмъ живописно раскинулся единственный двухъ-этажный деревянный корпусъ, въ верхнемъ этажѣ котораго помѣщалась часовня и четыре кельи. Въ одной изъ нихъ жилъ іеродіаконъ Серафимъ. Въ нижнемъ этажѣ находилась кухня, трапеза и четыре же кельи. Неподалеку отъ корпуса уютилась маленькая келейка. Весь холмъ обнесенъ деревянной оградой, за которой съ одной стороны красовался дремучій лѣсъ, а съ другой по склону холма разрабатывался небольшой огородикъ, а ниже струилась небольшая рѣчушка Бирма, а за ней высится другой холмъ, сплошь покрытый лѣсомъ, гдѣ уже начали копать пещеры. Вотъ и весь въ то время бѣдный внѣшній видъ скита среди красивой дѣвственной природы. Не было въ немъ ни высокой колокольни съ могучимъ звономъ, ни благолѣпныхъ храмовъ, ни роскошной трапезы. Все бѣдно, скромно и просто... Одно, что привлекло съ внѣшней стороны, это богатство природы, задумчивый дѣвственный лѣсъ, красивое мѣстоположеніе и абсолютная тишина, нарушаемая шумомъ лѣса и пѣніемъ птицъ. Въ часовнѣ однимъ изъ прибывшихъ изъ монастыря іеромонаховъ была отелужена всенощная, продолжавшаяся до 12 часовъ ночи.

Для Василя Антоновича все здѣсь было ново, и произвело сильное впечатлѣніе. Ему первый разъ въ жизни пришлось быть въ такой убогой пустынной обстановкѣ. Послѣ всенощной онъ долго не спалъ, а смотрѣлъ на звѣздное небо, въ высь, куда стремилась его душа и долго, долго размышлялъ... Покоемъ и тихой радостью вѣяло въ чистомъ ночномъ воздухѣ въ эту ночь на измученную его душу. У него явилась надежда, что онъ здѣсь побѣдитъ свои страсти и обрѣтетъ покой своей измученной душѣ. Здѣсь онъ въ убогой келии, будетъ возносить горячія мольбы о помощи къ Богу и слезами омоетъ свои грѣховныя струпья. Онъ почувствовалъ здѣсь какую то непостижимую силу, какой то неземной внутренней духъ, ободряющій и воодушевляющій въ надежду побѣды. „Слава Богу!“ воскликнулъ онъ, „что наконецъ я пришелъ туда, куда давно призывалъ меня промысль Божій“. Итакъ, онъ усталый, одинокій задумчиво смотрѣлъ на звѣздное небо и дѣвственную мѣстность скита до 2 часовъ утра, когда чудной трелью стали славить Бога пернатые насельники лѣса. Всѣ жизненные страданія, всѣ скорби, всѣ неудачи, всѣ душевныя волненія, всѣ слезы припомнились ему при взглядѣ на этотъ глухой уголокъ пріютившій нѣсколько человѣкъ. Радостью засвѣтилось въ его душѣ... „Не здѣсь ли, не въ этой ли пустынѣ нашель я то, чего искалъ, чего такъ жаждала моя измученная душа? Не здѣсь ли я отдохну отъ всего пережитаго и взоръ свой

безпрепятственно всецѣло устремлю къ небу? Не здѣсь ли я усну непробуднымъ сномъ до трубы Архангела?“ А тихій вѣтерокъ словно шепталъ ему: „успокойся, ты будешь здѣсь до того момента, когда все земнородіи возстанутъ изъ гробовъ“... Да, много онъ передумалъ, за эти два часа, воспоминанія всей жизни прошли въ его умѣ. Вся жизнь представилась ему однимъ сплошнымъ страданьемъ, одной сплошной сердечной болью. „О, разрѣшите мнѣ жизни загадку, вѣчно тревожный и страшный вопросъ. Дайте отвѣтъ мнѣ, что тайна отъ вѣка? Въ чемъ состоитъ существо чело-вѣка? Что онъ такое? Откуда приходитъ? Куда онъ идетъ? Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?“\*). И слезы поструились изъ глазъ, а душа почувствовала теплоту небесную, онъ простилъ всѣхъ людей причинявшихъ ему обиды. И утомленный подъ открытымъ небомъ заснулъ онъ тихимъ сладкимъ сномъ...

Въ 5 часовъ звонъ крошечнаго, но звонкаго колокола разбудилъ сладко уснувшаго пришельца. Началась полунощница, обѣдница, молебень и общая убогая скитская трапеза. Вскорѣ послѣ трапезы всѣ приходшіе богомольцы ушли изъ скита, одинъ только задумчивый Василій Антоновичъ остался. Онъ пришелъ къ о. Серафиму со слезами на глазахъ, просилъ принять его на всегдашнее жительство въ скить. Но получилъ отвѣтъ: „Ваше дѣло требуетъ всесторонняго и серьезнаго разсужденія. Такое важное дѣло, отъ котораго зависитъ вся дальнѣйшая жизненная судьба, такъ скоро рѣшать нельзя. Надо подумать и усердно помолиться, дабы Самъ Господь указалъ тотъ путь, по которому вы должны отселѣ идти. Пока погостите на Бѣлой горѣ, поговѣйте, исповѣдайтесь и приобщитесь св. Христовыхъ Таинъ, а я за это время о васъ помолюсь и подумаю. Кромѣ сего вы знайте, что скитскій уставъ довольно строгій и требуетъ не мало самоотверженія, силы воли и борьбы съ собою. Здѣсь нужно вставать въ полночь употреблять круглый годъ постную пищу въ ограниченномъ количествѣ, непрестанно трудиться. Такой уклончивый отвѣтъ о. Серафима видимо опечалилъ Василя Антоновича и онъ съ грустью сказалъ: „я этого то и ищу, къ этому стремлюсь, я уже какъ бы сроднился съ этой тихой безмолвной пустыней и для меня будетъ новымъ сильнымъ ударомъ, если меня отрицетъ и не приютитъ сія пустыня. Я рѣшилъ безповоротно и въ міръ не возвращусь“. Но всетаки Василій Антоновичъ окончательнаго слова о приѣмѣ не

\*) Генрихъ Гейне.

получилъ и съ новой грустью пошелъ на Бѣлую гору, гдѣ исполнилъ волю о. Серафима неповѣдался и приобщился св. Христовыхъ Таинъ.

23 июля о. Серафимъ прѣхалъ на Бѣлую гору и объявилъ съ нетерпѣніемъ ждущему отвѣта Василию Антоновичу, что онъ принимается въ скитъ въ число насельниковъ. Услышавъ это, онъ сразу оживился духомъ, на лицѣ вмѣсто унынія засіяла радость и онъ, перекрестившись, произнесъ: „Слава Богу!“

Не дожидаясь слѣдующаго дня, онъ въ тотъ же день отправился въ скитъ. Въ его оставленной имъ запискѣ объ этомъ моментѣ читаемъ:

„23-го іюля я перешелъ совсѣмъ на жительство въ скитъ. Назначенныя мнѣ послушанія—рытье пещеры, чтеніе псалтыри неусыпной и часовъ по часослову—очень правилось. Съ какой душевной радостью я молился по ночамъ въ промежуткахъ между чтеніями каѳизмъ, когда вся братія спитъ. Вкругомъ полумракъ, въ часовнѣ горятъ одна или двѣ лампадки, да восковая свѣчка, освѣщающая псалтырь. На дворѣ и за оградой ведутъ неустанную свою бесѣду березы, ели, сосны и другія деревья. Самъ себѣ не вѣришь, что послѣ такой сутолоки, какая бываетъ, напримѣръ, въ судѣ въ дни разбора уголовныхъ или гражданскихъ процессовъ, ты очутился въ такой глухой пустынѣ, что за нѣсколько сотенъ шаговъ отъ ограды скита можно наткнуться на логовище медвѣдя.

При лунномъ свѣтѣ выйдешь на дворъ въ глухую полночь. На душѣ какъ то жутко, но въ то же время испытываешь по временамъ пріятное ощущеніе отъ сознанія, что ты сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ пустынникомъ. Вообще въ скиту мнѣ все правилось и я былъ вполне доволенъ своей судьбой и расцвѣлъ, яко крикъ сельный подъ руководствомъ своего духовнаго отца“.

Въ скиту онъ какъ много пережившій сердцемъ, много передумавшій умомъ, ненашедшій ничего постоянного въ мірѣ, серьезно взялъ себя въ крѣпкія руки. Онъ прежде всего всецѣло отсѣкъ свою волю и предался въ послушаніе своему духовному отцу. Онъ здѣсь воочию увидалъ труды, непрестанную молитву и подвиги, о которыхъ не слышалъ въ міру, а если бы и слышалъ, то, самъ не увидавъ, не повѣрилъ. Онъ убѣдился, что нужно достигнуть того, чтобы плоть свою подчинить духу и его безсмертнаго возратить потерянное первобытное состояніе. Отселъ и вступилъ на открытую борьбу противъ плоти и діавола и не стало побѣдителемъ. Задача великая и трудная...

Послѣ шумной городской жизни, онъ рѣзко измѣнилъ свою жизнь на жизнь пустынныхъ насельниковъ, совершенно незамѣтную для взора людско-го, чуждую громкой мірской славы, въ тиши глухихъ лѣсовъ, въ непрестан-ной молитвѣ къ Богу о спасеніи всего міра, душъ своихъ и ближнихъ, объ упокоеніи умершихъ, взывая съ Псалмопѣвцемъ: „Се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури“ (Пс. 54, 8—9). Онъ вступилъ въ академію христіанской жизни, ибо пустынный скитъ съ высокими аскетиче-скими требованіями является для христіанства, монашества и благочестія тѣмъ же, чѣмъ является академія для науки: онъ есть цвѣтъ иноческой жизни на дѣлѣ показывающій и плоды свои. Дѣйствительно, онъ попалъ въ только что устраивающую укладъ своей жизни обитель съ уставомъ исключительной строгости, а потому для него всю жизнь проведеннаго въ угожденіи своей плоти, требовалось переломить себя для воспріятія необы-чайнаго подвига. Здѣсь онъ лишался бани, какъ роскоши расслабляющей душу и тѣло пустыннаго жителя; спать долженъ въ одѣяніи, въ какомъ ходить во время дня въ келіи—въ подрясникѣ безъ постели на твердой подушкѣ; вставать съ полуночи, цѣлыми сутками проводить время въ мо-литвѣ и трудѣ, питаться только на общей трапезѣ круглый годъ совершенно постной растительной пищей, не употребляя ни молока, ни сыра, ни яицъ.

Каковъ же внутренній строй былъ въ это время первоначальниковъ, которыхъ было всего 8 человекъ, въ главѣ съ начальникомъ?

Въ 11<sup>1/2</sup> часовъ ночи одинъ изъ братіи, получивъ благословеніе отъ своего начальника, будилъ остальныхъ къ полунощницѣ, каковая начиналась въ 12 часовъ ночи, послѣ которой клались 150 земныхъ поклоновъ, 50 поясныхъ поклоновъ и вычитывалось 300 молитвъ Іисусовыхъ. Затѣмъ читалось поученіе о монашеской жизни изъ твореній св. отцевъ и читалась молитва св. Іоанна Златоустаго при началіи дѣла, и часть братіи, получивъ благословеніе, приложившись къ св. иконамъ, отправлялась на послушаніе, а остальная совершала по уставу, безъ пропусковъ утрени съ поученіемъ, по окончаніи которой совершалась заупокойная литія, что оканчивалось около 6 часовъ утра. Затѣмъ на часъ былъ перерывъ и начиналась обѣд-ница съ чтеніемъ дневныхъ Евангелій, Апостоловъ и поученій, прочитыва-лись помянники о здравіи и за упокой. Кромѣ этой круговой по уставу церковной службы, этотъ же малочисленный составъ братіи читалъ очереда-ми неусыпную псалтырь за здравіе живыхъ и за упокой усопшихъ. Въ 10 часовъ утра скитники собирались на общую трапезу (ибо по келіямъ абсо-лютно ни ѣсть, ни пить не разрѣшалось), гдѣ былъ предлагаемъ завтракъ,

состоящий изъ одного блюда и кипятку (безъ чая) съ сахаромъ, при чемъ предъ завтракомъ, братія приобщались святой водой (агасмой) и частицей антидора и просфоры. Послѣ сего скитники расходились на свои послушанія до 3 часовъ дня, а затѣмъ колокольный звонъ собиралъ на обѣдъ, который состоялъ изъ трехъ блюдъ: капуста и картофель съ квасомъ, картофельный супъ и каша, а для утоленія жажды кипяткомъ съ сахаромъ. Къ кипятку въ будніе дни подавались ржаные сухари, а по праздничнымъ днямъ бѣлый или пшеничный хлѣбъ.

По окончаніи обѣда, въ 4 часа дня, въ часовнѣ совершалось послѣдованіе девятого часа и вечерни, а затѣмъ безъ перерыва, начинались правильные 3 канона съ акафистомъ, октоичный Богородичный канонъ, помянникъ, молитва на сонъ грядущимъ, пѣлось нѣсколько тропарей, клались 150 земныхъ поклоновъ, 50 поясныхъ и прочитывалось 300 молитвъ Иисусовыхъ; въ заключеніе поученіе, прикладывались ко кресту, прощались другъ съ другомъ и уходили на ночной покой. Вечернее молитвенное правило оканчивалось въ 8 часовъ вечера.

*Игуменъ Серафимъ.*

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

## IX.

### Изъ жизни Пермской епархіи въ 1913 году.

Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣрены попытаться нарисовать, хотя бы общими штрихами, картину общественно-церковной жизни нашей обширной Пермской епархіи за минувшій 1913 годъ.

Прежде всего, даже при самомъ бѣгломъ взглядѣ на жизнь нашей епархіи въ минувшемъ году, предъ взоромъ обозрѣвателя ея встаетъ величавый образъ энергичнаго и неутомимаго нашего Архипастыря—Преосвященнѣйшаго Палладія, Епископа Пермскаго и Соликамскаго. Дѣятельность Владыки, всецѣло направленная ко благу Пермской епархіи, характеризуетъ его, какъ неслѣпостнаго строителя Таинъ Божіихъ, съ словомъ Евангелія во всѣ времена года путешествующаго по градамъ и весямъ обширнаго Пермскаго края, неутомимаго краснорѣчиваго Проповѣдника Слова Божія, энергичнаго Миссіонера, Наблюдателя и Руководителя жизнью пастырей и

пойдутъ противъ теченія времени, и этого мнимаго, безрелигіознаго и безцерковнаго прогресса. Свѣтлый образъ выдающагося миссіонера будетъ жить въ сердцахъ тѣхъ, кого онъ привелъ въ лоно Церкви и кто его зналъ! Онъ создалъ вѣчный храмъ изъ несокрушимаго гранита—твердой вѣры въ Бога, непоколебимаго адаманта—вѣрности своему священному долгу до гроба.

*Игуменъ Серафимъ.*

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

## VIII

### Пути промысла Божія въ жизни скитскаго населенника.\*)

(В. А. Макуринъ. † 9 февраля 1914 г.).

*(Продолженіе).*

Въ такомъ денно-ночномъ славословіи Творца вселенной, строгомъ воздержаніи и неусыпныхъ трудахъ проходилъ день первонаселенника скита. Не легко было интеллигентному чиновнику, еще непріученному къ такому самоотверженному подвигу вступить въ ряды пустыножителей, но онъ будучи распаляемый огнемъ ревности по Богу, рѣшительно поступилъ съ собою и Богъ помогъ ему преодолѣть себя. Онъ на дѣлѣ убѣдился въ чемъ секретъ аскетизма, ибо чѣмъ строже жизнь аскета, тѣмъ легче переносится этотъ трудный необычайный подвигъ. Здѣсь у него сразу разбилося мнѣніе враждебно настроеннаго къ монашеству общества, что монахи „дармоѣды“, ничего не дѣлаютъ. Своимъ личнымъ опытомъ онъ позналъ великій трудъ отрехшихся отъ міра и ноносимыхъ міромъ людей, которой сами поносители не будутъ въ силахъ понести и нѣсколькихъ дней...

Въ такой обстановкѣ жизнь новаго скитскаго населенника шла день за день. Съ большимъ духовнымъ воодушевленіемъ онъ совмѣстно съ прочими братіями копалъ пещеры, съ полнымъ сознаніемъ важности этого дѣла, ибо

вѣрили въ осуществленіе идеи своего начальника, что будетъ въ послѣдствіи здѣсь храмъ, онъ же явится однимъ изъ участниковъ созиданія этого храма; за то въ храмъ этомъ за него будетъ возноситься молитва пока храмъ будетъ существовать. Василій Антоновичъ понималъ, что пещерный храмъ будетъ стоять на несравненно болѣе прочной почвѣ, чѣмъ даже большой каменный храмъ. Онъ видѣлъ примѣръ на глазахъ въ Кіевѣ, сколькимъ превратностямъ судьбы подвергались каменные храмы и соборы, и только одни пещерные храмы остались въ своей неприкосновенности.

Постепенно, одинъ по одному насельники стали прибывать въ пустынный скитъ. Вотъ уже вырыта первая пещерная келія для о. Серафима, а затѣмъ къ Покрову была готова и большая пещера, предначенная для совершенія общаго молитвеннаго правила, а затѣмъ, если угодно будетъ Богу, предполагалось превратить ее въ Церковь. Такимъ образомъ удостоились скитники великой радости насладиться плодами своихъ трудовъ: совершать молитвенное правило въ большой пещерѣ. Повидимому все было покойно, все духовно радовались.

Но не дремалъ и не спалъ врагъ рода человѣческаго, какъ левъ рыкая, и злобясь на ненавистныхъ ему скитниковъ, забравшихся еще въ пещеру, какъ люди на зарѣ христіанства, возносившіе свои молитвы въ катакомбахъ, куда круглая сутка не пробивается лучъ солнца, гдѣ невольно повышается религіозное настроеніе. Діаволь захотѣлъ изгнать изъ этой крѣпости пустынножителей. И, на время достигъ своей цѣли... Пришло распоряженіе не совершать въ пещерѣ молитвеннаго правила. Въ ночь наканунѣ полученія такого распоряженія, демоны должны были ликовать отъ радости, что наконецъ-то они достигли цѣли и выгнали скитниковъ изъ ихъ любимой катакомбы, гдѣ они съ такимъ благоговѣніемъ и сосредоточенностію молились, чувствуя себя какъ въ могилѣ. Не укрылось это временное торжество темной силы и отъ впечатлительнаго Василя Антоновича. Это его сильно потрясло и дало понять съ какой адской силой и изощреннымъ коварствомъ дѣйствуетъ темная сила.

Но, вотъ и новое искушеніе для отрекшагося отъ міра чиновника. Пріѣзжаетъ на Бѣлую гору его жена и проситъ его для свиданія. Настоятель Бѣлогорскаго монастыря игумень Варлаамъ посылаетъ къ нему нарочнаго съ запиской, чтобы Василій Антоновичъ прибылъ въ монастырь для свиданія съ женой. Такое извѣстіе, какъ трескучимъ громомъ, оглушило его, онъ не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ идти въ монастырь и только послѣ твердаго настоянія начальника скита имѣть послушаніе, съ печалью

пошелъ. На Бѣлой горѣ онъ зашелъ въ дворянскую гостиницу, гдѣ остановилась его жена. Какая была ихъ встрѣча и что они говорили, намъ неизвѣстно, но только послѣ получасовой бесѣды Василій Антоновичъ, какъ птица вырвавшаяся изъ клѣтки, прилетѣлъ въ скитъ. На вопросы отвѣчалъ онъ приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я лично объяснился съ ней, сказалъ ей, что нужно, просилъ только одного: измѣнить свою жизнь, посвятить ее всецѣло духовно-религіозному воспитанію сына, а если она и послѣ сего меня не послушаетъ, то Господь возьметъ къ себѣ отъ нея и сына и меня, и она останется одинокой... Но жена видимо, осталась при своемъ, не обратила никакого вниманія на мои просьбы и увѣщанія. Ну Богъ съ ней. Я буду молиться и за нее и за сына, чтобы Богъ, ими же вѣси Ему судьбами не лишилъ и ихъ главнаго спасенія души. Кто больше принесъ пользы своимъ родителямъ изъ двухъ братьевъ: одного изъ придворныхъ вельможъ Константинополя, — тотъ-ли, который утѣшалъ ихъ блескомъ земной славы при дворѣ царскомъ, или оставившій ихъ и стяжавшій имъ и ихъ родственникамъ своими молитвами спасеніе души? Утѣшающій ихъ вѣчно на небѣ? \*) Конечно послѣдній. Такъ ли я рѣшилъ, если еще останусь въ міру, то самъ погибну, погибнетъ жена и сынъ. Лучше я принесу себя въ жертву, да дамъ тѣмъ спасу жену и сына. И его вѣра не посрамилась, онъ умолилъ Бога, подобно мученику Уару, который взялъ отъ матери Клеопатры единственнаго сына, сказавъ ей въ видѣніи „я взялъ на служеніе Небесному Царю твоего сына. Не ты-ли сама просила меня здѣсь, что-бы я испросилъ для тебя у Бога то, что Ему угодно и полезно тебѣ и твоему сыну? И такъ, я просилъ благого Бога, и Онъ соблагОВОЛИЛЪ, по неизрѣченной Своей благодати, на то, чтобы сынъ Твой, какъ ты видишь, теперь сталъ однимъ изъ предстоящихъ престолу Божию. Если-же хочешь, возьми его обратно и пошли его на службу къ царю земному и временному, — вижу, что ты не хочешь, чтобы онъ служилъ Царю Небесному и Вѣчному“. Отрокъ-же, сидѣвшій на рукахъ Уара, обнялъ его и сказалъ: „Нѣтъ, господинъ мой! Не слушай матери моей: не отдавай меня въ міръ, полный неправды и всякаго беззаконія, откуда я спасся, благодаря твоему заступничеству; не лишай меня, отче, общенія съ собою и со святыми!“ Потомъ, обращаясь къ матери своей, отрокъ молвилъ: — „Что ты такъ плачешь мать моя? Я причисленъ къ воинству Царя Христа и мнѣ дано право предстоять Ему на небѣ вмѣстѣ съ ангелами, а

\*) Преподобный Іоаннъ Кушникъ, 15 Января.



ты теперь просишь о томъ, чтобы взять меня изъ царства въ униженіе!“\*)

Такъ и юнаго сына Василя Антоновича — Константина Господь взялъ съ него кристально чистой дѣтской душой въ Свои небесныя обители 24 февраля 1909 года четырнадцатилѣтнимъ юношей.

Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ скиту Василій Антоновичъ противъ своей воли, за послушаніе временно переведенъ былъ изъ скита въ монастырь на послушаніе надзирателя надъ юными послушниками. Это для него новое испытаніе... Вотъ о томъ самъ пишетъ: „Какъ въ монастырѣ, такъ и въ скиту часто приходится одному лицу нести нѣсколько послушаній. Такъ, на примѣръ, о. Серафимъ фактически завѣдывалъ скитомъ, управлялъ канцеляріей монастыря, ему порученъ былъ главный надзоръ за юнымъ поколѣніемъ монастыря и его учебно-воспитательнымъ отдѣломъ, несъ онъ іеродіаконское послушаніе, часто составлялъ и говорилъ поученія, велъ хозяйственную отчетность монастыря и т. п. Ему пришла такого рода мысль: Чтобы занять пѣвчихъ — подростковъ въ свободное отъ клироснаго послушанія время, онъ предложилъ мнѣ заняться ихъ подготовкой, по программѣ духовнаго училища, дабы не было праздности, которая есть мать всѣхъ пороковъ. Для успѣха въ этомъ дѣлѣ, пѣвчіе съ числомъ человекъ 12, не учившіеся въ монастырской школѣ, были помѣщены въ одной большой кельѣ. На меня возложена была репетиторская, а потомъ и надзирательская обязанность. Репетиторомъ въ міру я былъ нѣсколько лѣтъ, трудъ этотъ мнѣ знакомъ и всегда почти увѣнчивался успѣхомъ, а случалось, что я не только успѣвалъ подготовить мальчиковъ въ какое нибудь учебное заведеніе, но и исправлялъ ихъ поведеніе и прилежаніе. Хотя не хотѣлось мнѣ уходить изъ скита, но я долженъ былъ подчиниться предложенію своего духовнаго отца и возвратиться обратно изъ тихой обители въ монастырь, съ тою разницею, что это новое мѣстопробываніе было болѣе безпокойное, шумное, среди дѣтей, требовавшее необыкновенныхъ усилій нравственныхъ и особенно молитвенныхъ трудовъ. Я только что убѣжалъ изъ міра со всѣми его соблазнами и искушеніями и почти не успѣлъ умомъ и душою отдохнуть, а тутъ мнѣ приходилось снова возвращаться въ суету. Чувствовалъ я, что почва колеблется подъ мною, но я надѣялся, что по примѣру предыдущихъ лѣтъ, да еще вооруженный Иисусовой молитвой, я достигну желаемаго успѣха. Возвратившись изъ продолжительной поѣздки о. игуменъ

\*) 19 Октября. Память.

Варлаамъ не почувствовалъ идею. Серафима относительно подготовленія пѣвчихъ по программѣ духовнаго училища, а потому эта духовная школа юношей была закрыта. Тогда мнѣ поручено было заняться Бѣлогорской школой под надзирательствомъ. Для пробы я взялъ это послушаніе на одинъ учебный годъ; затраченные мною труды увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. За время пребыванія Василя Антоновича въ Бѣлогорскомъ монастырѣ, въ скиту произошли большія перемѣны: онъ по дѣлальной глуши проложена проезжая дорога, выстроено нѣсколько новыхъ зданій: здѣсь бывшій скитъ. 22 Юня 1905 года преосвященнѣйшимъ Никаноромъ былъ посвященъ первый скитскій деревянный храмъ въ честь преподобнаго Серафима Саровскаго чудотворца, а 30 Юня того-же года была совершена закладка храма въ большой пещерѣ, а 2-го Сентября на радость скитникамъ и на посрамленіе темной силы освященъ настоятелемъ Бѣлогорскаго монастыря игуменомъ Варлаамомъ въ честь преподобныхъ Антонія, Θεодосія и всѣхъ пещерскихъ чудотворцевъ. Въ продолженіи двухъ зимъ въ деревянномъ храмѣ не служили, а служили въ пещерномъ. Чудное было настроеніе въ этомъ храмѣ, какъ древней катакомбѣ, освѣщаемое днемъ и ночью мерцающими лампадами и восковыми свѣчами. Здѣсь же читалась неусыпная псалтырь. Между прочимъ въ декабрѣ 1905 года въ дни революціонной бури о. Серафимъ не остался безучастнымъ при видѣ нападенія внутреннихъ враговъ на священные устои Родины. Онъ составилъ глубоко патріотическую брошюру подъ названіемъ: „Призывъ къ укрѣпленію Вѣры, Царя и Отечества“, которая ему была разрѣшена къ печатанію Московскимъ цензурнымъ комитетомъ. 18 Января 1906 года ей удостоенная Высочайшаго одобренія была разослана по печатанію въ нѣсколько десяткахъ тысячахъ экземпляровъ во все концы Россіи. Нерѣдко Василій Антоновичъ приходилъ зимой въ скитъ къ праздникамъ и здѣсь изливалъ свои молитвы и душевныя скорби. Ему страшно хотѣлось возвратиться обратно въ скитъ, но такъ какъ онъ имѣлъ послушаніе учительское въ монастырской церковно-приходской школѣ, то ему и нельзя было оставить школу до окончанія учебнаго года. Его душа скорбѣла по уединенію, безмолвію, простотѣ келий и въ блаженномъ настроеніи первыхъ мѣсяцевъ своей скитской жизни. Наконецъ, пришло время возвращенія въ мѣсто первыхъ его трудовъ и подвиговъ иноческихъ. Лѣтомъ 1906 года онъ также за послушаніе переходитъ изъ монастыря въ скитъ, гдѣ первое время читалъ неусыпную псалтырь, а затѣмъ занялъ послушаніе личнаго секретаря начальника скита.

Сколько было у него радости душевной, когда онъ опять увидѣлъ себя въ желанной пустынѣ, среди насельниковъ бжея, въ подѣ руководствомъ своего перваго духовнаго руководителя.

Онъ писалъ: „Я снова возвратился въ скитъ. Да и укрѣпить Господь Богъ мое пребываніе въ немъ отыняи и до вѣка. Я находился за послушаніе въ скита одинъ годъ и восемь мѣсяцевъ, и въ это время не прошло для меня безслѣдно, что оно научило меня сознанию слабости и неустойчивости своей человѣческой природы, и въ известной степени терпѣнію, смиренію и должной оцѣнки скитской жизни“... Послѣ этого онъ, наученный опытомъ, тверже укрѣпился въ скитѣ и дороже сталъ цѣнить слова и указанія своего духовнаго руководителя.

На самомъ дѣлѣ бываетъ такъ и въ обычной семейной жизни. Когда мать находится при дѣтяхъ, то они не оцѣниваютъ ея безсонныхъ ночей и заботъ о нихъ, а когда лишаются матери, тогда только во всей полнотѣ оцѣняютъ труды ея и заботы и поймутъ, какъ трудно жить безъ любящаго человѣка.

Первое время приходилось ему вновь привыкать къ самоотверженной пустынной жизни, но не легко, конечно, это было, ибо первый жаръ ревности прошелъ, сердечная лампада горѣла тускло, надо было вновь раздуть этотъ тусклый огонекъ, дабы онъ не загорѣлъ и вновь ярко, разсѣивая всякую нечистоту и скверну. Богъ помогъ ему, и чрезъ два мѣсяца онъ, какъ говорится, втянулся въ скитскій уставъ и по старому сталъ проводить безмолвную жизнь, духовно преуспѣвая. Лѣтомъ пришлось выпустить о. Серафиму свою брошюру: „Призывъ къ укрѣпленію Вѣры, Царя и Отечества“ вторымъ изданіемъ, вновь въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ и вновь разсылать всюду и вездѣ, въ каковой работѣ Василій Антоновичъ много потрудился, ибо былъ убѣжденный патріотъ.

Первый разъ ему пришлось съ о. Серафимомъ 28 декабря 1906 года всего на день возвратиться въ міръ — съѣздить въ г. Кунгуръ на патріотическое собраніе. Послѣ двухъ съ половиною лѣтъ пребыванія въ монастырѣ и скиту, для него эта повѣзка вначалѣ показалась какъ-бы пріятнымъ разнообразіемъ и, какъ для патріота, желательной, но пробывъ сутки въ суетѣ провинціального городка, душа его вновь затосковала о пустынномъ безмолвіи. Онъ почувствовалъ несравненно большее нападеніе невидимой темной силы, чѣмъ когда онъ былъ еще въ мірѣ и съ быстротой стремился, какъ голубь въ свое гнѣздо, дабы не быть уязвленнымъ. Въ концѣ апрѣля 1907 года о. Серафимъ ѣздилъ въ Москву на 4-й Всероссийскій

Монархическій Съѣздъ, а Василій Антоновичъ оставался за него завѣдывать монастырской канцеляріей, ибо таковая въ это время была въ скиту въ вѣденіи о. Серафима, и онъ показалъ себя вѣрнымъ и преданнымъ послушникомъ неутомимымъ работникомъ и горячимъ защитникомъ интересовъ обители.

Когда о. Серафимъ въ 1908 году уѣхалъ въ продолжительную поѣздку въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, то своему секретарю поручилъ веденіе всей письменной части скита, что онъ исполнялъ съ искреннимъ усердіемъ и любовью. Также онъ оставался, какъ говорится, „домовничать“ во время поѣздокъ о. Серафима въ 1909 году на Всероссійскій монашескій съѣздъ въ Троицко-Сергіеву Лавру и въ 1910 году въ Казань на первый всероссійскій миссіонерскій съѣздъ по внѣшней миссіи. Въ 1910 году онъ постоянно сопутствовалъ о. Серафиму по поручаемымъ послѣднему ревизіямъ, разслѣдованіямъ и слѣдствіямъ. Такъ же и въ 1911 году онъ сопутствовалъ о. Серафиму въ поѣздкѣ по ревизіи всѣхъ женскихъ монастырей въ Пермской епархіи, и въ этомъ-же году ѣздилъ съ о. Серафимомъ въ Бѣлгородъ на открытіе св. мощей святителя Іоасафа Бѣлгородскаго Чудотворца, по пути заѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ навѣстилъ своихъ родственниковъ, которые отнеслись къ нему въ высшей степени радушно, а въ особенности двоюродный братъ, служащій въ Министерствѣ Императорскаго Двора Виталій Яковлевичъ Ельцинъ и его супруга. Онъ долго вспоминалъ о нихъ добросердечномъ отношеніи къ нему, пустынножителю, презрѣвшему міръ. На пути также заѣзжали въ г. Вильну, гдѣ навѣстили старца-узника, страдальца Зосиму, бывшаго архимандрита.

Въ Бѣлгородѣ онъ былъ очевидцемъ великихъ и многочисленныхъ чудесъ, совершавшихся по молитвамъ новаго угодника Божія святителя Іоасафа. Здѣсь-то его глубокая дѣтская вѣра, еще глубже утвердилась и онъ уѣхалъ отъ этого новаго источника Божественной благодати обновленнымъ и укрѣпленнымъ въ вѣрѣ мужемъ твердымъ и непоколебимымъ. При видѣ чудесъ, совершавшихся на его глазахъ, онъ отъ переполненнаго духовнаго восторга плакалъ, какъ дитя. Его религіозное воодушевленіе въ эти исключительныя и не вѣсѣмъ доступныя минуты не поддается описанію. Это были великіе и свѣтлые моменты духовнаго пира Православной вѣры. Здѣсь ему много пришлось потрудиться по составленію протокольныхъ записей о совершившихся чудесахъ, а также перепискѣ рукописей о. Серафима: „Подъ впечатлѣніемъ торжества открытія св. мощей Святителя Іоасафа Бѣлгородскаго“.

Въ 1910 году о. Серафимъ уѣхалъ въ Москву на IV-й Всероссійскій

Прибывъ въ скитъ, онъ съ восторгомъ рассказывалъ братіи, какъ очевидецъ всего видѣннаго, пережитаго и переживуваннаго. Онъ съ сердечнымъ энтузіазмомъ говорилъ, что вновь небо отверзлось, полились оттуда источники Благодати, святитель Іоасафъ, какъ-бы всталъ изъ своего гроба и своими чудесами и дивными знаменіями свидѣтельствовалъ о правотѣ живости и святости нашей Православной вѣры. Благодать Божія еще не покинула насъ грѣшныхъ, Господь вчераavitднесь, Той же и во вѣки. Были на святой Руси люди побѣдившіе грѣхъ и достигшіе духовнаго совершенства, они есть и въ наше время, будутъ и до втораго пришествія Христова.

Въ Ноябрь мѣсяцѣ о. Серафимъ уѣзжалъ въ Москву на Всероссійскій съѣздъ монархическихъ организацій и ему вновь пришлось остаться въ скиту, безъ своего духовнаго отца, нести свое не легкое письменное послушаніе.

1912 годъ прибавилъ ему работы, какъ секретарю редакціи (патріотическаго ежемѣсячнаго журнала „Голосъ Долга“, который началъ издаваться игуменомъ Серафимомъ), но онъ исполнялъ это дѣло съ рѣдкимъ радушіемъ и воодушевленіемъ, глубоко вѣря въ пользу этого печатнаго органа, убѣжденно стоящаго на почвѣ Православія и исполненія священнаго долга присяги.

Этотъ годъ его глубоко порадовалъ за своего духовнаго отца, который былъ возведенъ въ санъ игумена, а также и тѣмъ, что возстановленъ Чердынскій Іоанно-Богословскій женскій монастырь. Онъ вмѣстѣ съ о. Серафимомъ былъ въ Чердыни въ тотъ самый радостный моментъ, когда была получена телеграмма изъ Петербурга съ извѣстіемъ объ утвержденіи монастыря (26 Сентября 1912 года). Подъ впечатлѣніемъ этого духовнаго торжества имъ было напечатано стихотвореніе<sup>1)</sup>. Имъ же написаны два стихотворенія, первое посвящено Бѣлогорскому монастырю, подъ названіемъ „Бѣлая Гора“<sup>2)</sup> и второе Бахаревскому Серафимо-Алексѣевскому женскому монастырю, подъ названіемъ „Бахаревка“<sup>3)</sup>.

Такъ незамѣтно въ трудахъ, подвигахъ и молитвѣ кануль въ вѣчность и 1912 годъ... Наступилъ 1913 годъ, который принесъ Василию Антоновичу, какъ вѣрующему христіанину и глубокому патріоту радостные

<sup>1)</sup> Стихотвореніе напечатано въ журналѣ „Голосъ Долга“ № 3, 1913 года.

<sup>2)</sup> „Голосъ Долга“ № 1, 1913 г.

<sup>3)</sup> „Голосъ Долга“ № 2, 1914 г.

моменты, которые не забываются до гробовой доски. Въ началѣ Мая онъ вмѣстѣ съ о. Серафимомъ ѣздилъ въ Москву на прославленіе святѣйшаго патріарха Ермогена и юбилейныя Романовскія торжества въ Высочайшемъ присутствіи. Здѣсь онъ вновь наслаждался духовнымъ и патріотическимъ торжествами. Стоя въ Успенскомъ соборѣ, въ моментъ прославленія великаго патріота земли Русской святѣйшаго патріарха Ермогена въ присутствіи одного изъ Восточныхъ патріарховъ, онъ переживалъ свѣтлыя минуты. Ему казалось, что само небо соединилось съ землею и совместно торжествовало, воспѣвая побѣдную пѣснь промыслителю Богу, и прославляя Его угодника. Затѣмъ онъ удостоился очень близко лицезрѣть Державнаго Хозяина земли Русской со всей Августѣйшей Семейю, а также всѣхъ Высочайшихъ Особъ Императорской фамиліи. При первомъ взглядѣ на Царя, Царицу и Наслѣдника Цесаревича онъ, какъ малое дитя при видѣ своей горячелюбимой матери, заплакалъ...

Онъ рассказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ, а у самого слезы катились по ланитамъ и утверждалъ, что онъ чувствовалъ себя въ этотъ моментъ болѣе радостно, чѣмъ въ дѣтствѣ въ Свѣтлую Пасхальную утреню. Всѣ эти историческія московскія торжества произвели на его дѣтски простую и вѣрующую душу потрясающее впечатлѣніе. Онъ говорилъ послѣ сего: „Вотъ высшее счастье для меня на землѣ, теперь я спокойно могу умирать, а тамъ за гробомъ еще усерднѣе сталъ-бы молиться за Дорогого Батюшку Царя и Августѣйшую Его Величества Семейю“. И дома въ скиту онъ безъ волненія не могъ рассказывать объ этихъ великихъ и священныхъ дняхъ. А съ какимъ интересомъ и воодушевленіемъ онъ переписывалъ рукопись о Серафима объ этихъ торжествахъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ выхода въ свѣтъ этой книги! Видимо онъ чувствовалъ, что онъ не дождется ея. Такъ и не дождался... Книга въ виду сложности работы замедлила въ выходомъ въ свѣтъ. Послѣ этой поѣздки онъ уже никуда изъ скита не отлучался. Сталъ серьезнѣе и задумчивѣе... Болѣе углубляясь въ чтеніи своихъ святоотеческихъ выписокъ о Иисусовой молитвѣ подъ заглавіемъ: „Ключъ ко спасенію“. Стало замѣтнымъ его постепенное ослабѣваніе. Рука уже писала дрожащимъ и не такимъ четкимъ почеркомъ. Онъ почти каждый день ходилъ одна могилки усопшихъ скитниковъ, гдѣ подолгу засиживался въ глубокомъ размысленіи. У него явилось повышенное стремленіе къ нравственному совершенству, которое такъ необходимо для достиженія вѣчнаго пребыванія съ Жизнодавцемъ Христомъ. Онъ, бывало, говаривалъ: „что пользы, если будемъ заботиться лишь о внѣшнемъ благоукрашеніи себя, и

оставимъ безъ должнаго вниманія свою душу“. Въ храмѣ за службами стоялъ онъ съ глубокимъ настроеніемъ, всецѣло погруженный въ мысль о невидимомъ присутствіи Божию и небожителей. Про него можно вполнѣ сказать: „уготовихся и не смутихся сохранить заповѣди Твоя“ (Псал. 118, 60), ибо онъ имѣлъ такое послушаніе, чтобы не сказалъ духовный отецъ, для него было свято и нерушимо. А тотъ ему совѣтовалъ чаще размышлять о смерти и серьезнѣе заняться Иисусовой молитвой, что онъ свято исполнялъ. О. Серафимъ сталъ замѣчать упадокъ его силъ еще въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, но надѣялся, что все пройдетъ, ибо такъ съ нимъ бывало и ранѣе. Съ первыхъ чиселъ Ноября мѣсяца стало замѣтно, что его здоровье стало все болѣе и болѣе ослабѣвать. Когда о. Серафимъ во второй половинѣ Ноября по дѣламъ поѣхалъ въ Пермь, то хотѣлъ взять съ собою Василя Антоновича, но онъ въ первый разъ просилъ его освободить, такъ какъ онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ. Въ отсутствіи о. Серафима онъ больше находился въ келии, никуда не ходилъ и къ себѣ никого не принималъ. У него сталъ увеличиваться страхъ Божій и чаще являлись мысли о переходѣ въ невозвратный міръ. Діаволь, предвидя его скорую кончину сталъ приводить въ ужасъ, непомѣрный страхъ, что онъ не будетъ пропущенъ чрезъ мытарства.

Этотъ бѣсовскій страхъ наводится имъ для того, чтобы человѣка подъ конецъ привести въ отчаяніе, и тѣмъ лишить его неба. Если ужъ онъ дерзалъ приступить со своими коварными искушеніями къ Самому Спасителю нашему, то тѣмъ болѣе онъ не отстываетъ отъ человѣка до послѣдней минуты земной жизни.

По пріѣздѣ своемъ начальникъ скита посѣтилъ Василя Антоновича и въ своей долгой бесѣдѣ убѣдилъ его не бояться бѣсовскихъ угрозъ и страхованій, а бояться отчаянія, которое особенно губительно умирающему. Бѣсы предъ смертію человѣку всеми мѣрами стараются внушить сомнѣніе въ спасеніи и невѣріе въ полученіи милости Божіей, вкладывая, на примѣръ такія мысли: „Ты не спасешься, тебя Богъ не проститъ, ты великій грѣшникъ плодовъ достойныхъ покаянія не принесъ, ты не искренне исповѣдалъ грѣхи свои, а многіе забылъ, а потому твое мѣсто адъ, Богъ отъ тебя отступилъ, ты предопредѣленъ къ гибели“, иногда же внушаютъ: „зачѣмъ еще жить, лучше покончи съ собой“, или на духовной подкладкѣ внушаютъ: „покончи съ собой и ты сразу получишь прощеніе во всѣхъ грѣхахъ и будешь мученикъ“!

*Игуменъ Серафимъ.*

(Оконченіе слѣдуетъ)

## VIII.

Пути промысла Божія въ жизни скитскаго  
населника\*).

(В. А. Макуринъ. † 9 февраля 1914 г.).

*(Окончаніе).*

Въ началѣ февраля стало болѣе замѣтно, что жизнь Василя Антоновича угасаетъ и быстро приближается къ роковому концу. Онъ всецѣло сталъ заниматься однимъ богомыслиемъ и Иисусовой молитвой, къ которой ранѣе приучилъ себя. Онъ говорилъ: что для него теперь ничего не нужно, кромѣ молитвы, которая дороже всего на свѣтѣ. Онъ открыто сталъ говорить о скорой смерти, дѣлая свои распоряженія о своихъ келейныхъ вещахъ, иконахъ и книгахъ. 2 февраля онъ вмѣстѣ съ братіей въ храмѣ приобщился св. Христовыхъ Таинъ. Въ этотъ день онъ особенно хорошо чувствовалъ себя и духомъ былъ бодръ и покоенъ. 4 февраля онъ былъ еще на общей братской трапезѣ, затѣмъ въ келии начальника скита, гдѣ шла бесѣда о загробной жизни и какъ нужно готовиться къ переходу въ невозвратное путешествіе. Изъ бесѣды было видно его твердое упованіе и вѣра въ безпредѣльное милосердіе Божіе. Онъ убѣжденно говорилъ: „изъ своего жизненнаго опыта позналъ я, что безъ помощи Божіей благодати мы и одного часа не можемъ прожить безъ грѣха и даже помыслить о добрѣ, а потому тѣмъ болѣе нужна будетъ эта помощь въ часъ смерти и при переходѣ чрезъ страшныя бѣсовскія мытарства. Я чувствую, что конецъ мой близокъ, дни и часы моей жизни сочтены, а потому пора уже серьезно заняться приготовленіемъ въ походъ невозвратный“.

Вотъ какими думами и мыслями была наполнена душа Василя Антоновича въ этотъ день. 5-го февраля Василій Антоновичъ слегъ въ постель, съ которой уже не всталъ. Врачебная помощь оказалась безсильной, ибо жизнедавецъ Христосъ уже призывалъ къ себѣ своего вѣрнаго раба. Больной былъ духомъ совершенно покоенъ, чувствуя приближеніе часа смертнаго. Духовный отецъ часто посѣщалъ больного и долго съ нимъ бесѣдовалъ, а на время своего отсутствія, назначилъ одного изъ братіи неот-

\*) Смот. „Голосъ Долга“ 1914 г. № 5—6.



ступно быть при немъ. Больной лежалъ покойно, хотя были кашель и одышка, но онъ мужественно крѣпился, не забывая творить Иисусову молитву. Утромъ 6 февраля больному стало лучше, уменьшился кашель и остановилась мокрота, но ему трудно стало лежать, ибо одышка усиливалась, онъ перешелъ съ кровати въ принесенное кресло, въ которомъ сидѣлъ покойно. Духовный отецъ, видя положеніе больного безнадежнымъ, сталъ готовить его къ переходу въ вѣчность. Онъ совершилъ надъ нимъ таинство исповѣди и послѣ литургіи приобщилъ св. Христовыхъ Таинъ. Причастившись Тѣла и Крови Христа Бога нашего, добрый послушникъ со слезами благодарилъ Господа за всѣ Его великія милости къ нему грѣшному. На вопросъ игумена Серафима: „не боится-ли онъ смерти?“ Онъ отвѣчалъ: „нѣтъ, я не боюсь смерти, я готовъ, для меня смерть нынѣ уже не страшна, она есть приобрѣтеніе, по слову апостола“ (Филип. 1, 21). На вопросъ, не ощущаетъ-ли какой боли, — говорилъ: „нѣтъ, ничего у меня не болитъ, только чувствую слабость. Хорошо умереть здѣсь, въ скиту, гдѣ истово совершается служба. Радостно лежать въ гробу, окруженномъ дорогой и родной скитской семьей. Я часто ходилъ на могилки усопшихъ братій и подготовилъ себя къ этой всеобщей развязкѣ. Сегодня я испытываю особенную духовную радость; какой еще не ощущалъ за время всей своей жизни“.

Пріятно было видѣть человѣка воодушевленнаго такой вѣрой и кристально-чистою въ этотъ моментъ душой, видящаго сокровенная. Это награда за вѣрность долгу и истинное послушаніе.

Отецъ духовный вечеромъ навѣститъ больного снова и долго съ нимъ бесѣдовалъ о загробной жизни и о разлученіи души отъ тѣла. Онъ говорилъ больному, если великіе праведники страшились суда Божія, что-же будетъ съ нами грѣшными, немощными, ничего добраго не сдѣлавшими, но что отчаиваться не нужно, а должно умолять Жизнодавца Христа и Его Пречистую Матерь, о прощеніи нашихъ грѣховъ. Ночь провелъ больной покойно, немного заснулъ. Пятницу 7 февраля больной провелъ тоже покойно, сидя въ креслѣ, творя про себя Иисусову молитву, и бесѣдуя о разныхъ вопросахъ съ неоднократно приходившимъ навѣстить его игуменомъ Серафимомъ. Къ вечеру жаръ усилился, ибо кромѣ уже бывшей болѣзни еще прибавилось воспаленіе легкихъ. Ночью временами появлялся бредъ, больной почти не спалъ.

Въ субботу 8 февраля, утромъ покойный исповѣдуются, а послѣ литургіи приобщается св. Христовыхъ Таинъ. Послѣ приобщенія больной

чувствовалъ себя хорошо духовно и тѣлесно. На вопросы фельдшера, что у него болитъ? „Ничего у меня не болитъ“, — былъ рѣшительный отвѣтъ. „Для меня сегодня великій день“, говорилъ онъ: „день радости, день утѣшенія, день исполненія моего пламеннаго желанія. Не знаю, какъ и благодарить Бога за все“. Весь день прошелъ у больного тихо, безъ приступовъ боли и бреда. Онъ въ полномъ сознаніи говорилъ, что видитъ пришедшую смерть, которая сидитъ въ углу на кровати. Къ вечеру жаръ сталъ усиливаться и больному стало трудно дышать. За вѣсночной надъ нимъ было совершено таинство елеосвященія. Во время совершенія сего таинства, жаръ какъ бы отступилъ и больной покойно въ полномъ сознаніи молился, вникая въ смыслъ молитвъ, стихиръ и пѣснопѣній. Послѣ соборованія онъ сталъ временами забываться, но (приходящихъ) изъ братій узнавалъ и говорилъ съ ними, но съ великимъ трудомъ. Всенощная кончилась въ часъ ночи. Трогательно было смотрѣть, какъ больной покойно сидѣлъ въ креслѣ, держа крѣпко четку въ рукахъ, творя Иисусову молитву, а братія въ полночной тишинѣ приходила прощаться со своимъ братомъ, отходящимъ въ невозвратный путь вѣчности, какъ-бы на родину отправляя своего брата, прощаясь и прося прощенія и взаимныхъ молитвъ. Въ этотъ моментъ больной на время, какъ бы пришелъ въ забытье, затѣмъ, очнулся и съ радостнымъ лицомъ сталъ смотрѣть въ окно, словно встрѣчая близкихъ родныхъ, дѣлалъ жесты привѣта руками. Видимо душа его видѣла кого-то? Во второмъ часу ночи духовный отецъ, прощаясь съ больнымъ, между прочимъ спросилъ его: „не болитъ ли у него что и не нужно ли какой помощи?“ „Ничего не болитъ и ничего мнѣ пока не нужно“, сказалъ больной. Такая преданность волѣ Божіей и неощущеніе боли отъ мучительной болѣзни, есть награда за вѣрность и послушаніе, которая давалась мученикамъ, не ощущавшимъ страданій во время страшныхъ мученій. Справедливо писалъ одинъ изъ духовныхъ поэтовъ: „Кто отдался волѣ Божьей Сердцемъ и душой: Тотъ нашель въ себѣ на вѣки Внутренній покой. Онъ постигъ, что умъ великій Правиль міромъ симъ,

И ни что во всей вселенной  
Не забыто Имъ.

Что и малая былинка,

Что въ стени растеть,

Не сама, а силой Божіей

Восходитъ и цвѣтеть.

Онъ повсюду слышитъ голосъ—

Голосъ Еговы,

Что безъ Бога, — вѣрять — волосъ

Не падеть съ главы“.\*)

На прощаніи отецъ духовный утѣшалъ больного райскимъ блаженствомъ праведниковъ и милосердіемъ Божиимъ къ намъ грѣшнымъ. Уйдя въ свою келію, онъ оставилъ двухъ человѣкъ изъ братіи попеременно дежурить у умирающаго. Тяжело было разставаться игумену Серафиму со своимъ вѣрнымъ и преданнымъ питомцемъ, другомъ и послушникомъ.

Послѣ ухода его тотъ впалъ въ забытье. Нѣкоторые изъ братіи думали, что вотъ-вотъ и смерть. Но жизнедавецъ Христосъ далъ ему и послѣднюю высшую награду: въ часъ самаго исхода соединиться съ нимъ чрезъ Святое Причащеніе Его Тѣла и Крови, и какъ вѣрному и неизмѣнному послушнику умереть въ присутствіи своего духовнаго отца. Ночь провелъ больной безъ сна, только утромъ какъ бы на малое время задремалъ, а затѣмъ пришелъ въ сознаніе. Утромъ въ воскресеніе послѣ полунощницы снова пришелъ къ нему игумень Серафимъ, приходу котораго больной обрадовался, улыбнулся и угасающій его духъ на время какъ бы вспрянулъ. Послѣ краткой бесѣды онъ спросилъ умирающаго: „желаетъ-ли онъ сегодня приобщиться Св. Христовыхъ Таинъ“? Больной тихо, съ трудомъ сказалъ: „желаю“ и еще далъ знакъ согласія головой. Послѣ сего надъ больнымъ было совершено таинство исповѣди и въ 9 часовъ онъ удостоился въ послѣдній разъ приобщиться Тѣла и Крови Христа Бога нашего. Послѣ приобщенія онъ выпилъ нѣсколько ложекъ теплоты и съ радостно-сіяющимъ лицомъ сидѣлъ въ креслѣ, улыбающимися глазами смотрѣлъ на Св. иконы и горящую лампаду, въ которыхъ казалось нашелъ желанное удовлетвореніе. Послѣ прочтенія положенныхъ благодарственныхъ молитвъ онъ тихо закрывъ глаза, какъ-бы сталъ засыпать.

Духовный отецъ, давъ въ руку умирающаго крестъ и зажженную свѣчу отъ гроба Господня, читаетъ канонъ на исходъ души, а присутво-

\* ) Душеп. Собесѣдн. 1910 г.

вавшая здѣсь братія усердно молился за болящаго. Въ церкви шла Божественная литургія... Было 9 часовъ 25 минутъ, кончался канонъ. Умирающій сидитъ покойно, закрывъ глаза, тихо и рѣдко дыша. Вотъ и холодный потъ показался на тѣлѣ умирающаго. Духовникъ, не желая нарушать его субботствованія, захотѣлъ узнать, сознаетъ-ли онъ себя, хотѣлъ взять изъ руки четку, но умирающій крѣпко зажавъ въ руки четку, не далъ ее, чѣмъ далъ знать окружающимъ, что онъ все понимаетъ и слышитъ. Послѣ этого духовникъ возлагаетъ епитрахиль на глазу умирающаго и читаетъ послѣднюю разрѣшительную молитву, а умирающій въ концѣ молитвы тихо, тихо прошепталъ „въ руки Твои предаю духъ мой“ и мирно испустилъ послѣдній вздохъ; душа его оставивъ свою земную тѣлесную храмину, отлетѣла въ объятія ангеловъ въ 9 часовъ 30 минутъ. Такъ перешелъ въ вѣчность окруженной, родной скитской семьей, подъ епитрахилью своего учителя и наставника... И такъ, расцвѣлъ цвѣтокъ и палъ подрѣзанный серпомъ смерти и взятъ въ обители Отца Небеснаго. Его духовный образъ ярко предсталъ предъ взоромъ окружающихъ, всѣ молились и радовались за такую рѣдкую, праведную кончину и вмѣстѣ съ симъ скорбѣли о преждевременной потерѣ своего любящаго брата. Онъ какъ-бы живой сидѣлъ въ своемъ смертномъ креслѣ безъ словъ говоря: „идите, какъ шедъ я, имѣйте непрекословное послушаніе, которое имѣлъ я до гроба и вы безбѣдно пройдете трудныя житейскія стези“.

Хладное тѣло почившаго игумена Серафимомъ было по чину омыто и одѣто въ чистыя одежды. Рѣдкій звонъ большого скитскаго колокола далъ знать о преставленіи о. Василія. Служится первая краткая панихида о новопреставленномъ братѣ Василіѣ. Братія, видя милость Божию къ почившему, отъ радости и умиленія не могли удержаться отъ слезъ и пѣли панихиду съ повышеннымъ душевнымъ настроеніемъ. Воистину, говорили всѣ, „честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его“. Какъ счастливъ и блаженъ о. Василій, удостоившійся за полчаса до своего исхода въ полномъ сознаніи, съ вѣрой и надеждой принять въ свою душевную храмину Небеснаго Царя Славы въ Пречистыхъ Его Тайнахъ; душа его соединилась со Христомъ и, какъ молнія, пролетитъ въ сопровожденіи ангеловъ чрезъ страшныя мытарства, по слову св. Іоанна Златоуста.

Первая панихида о новопреставленномъ произвела на всѣхъ впечатлѣніе болѣе величаво торжественное, чѣмъ печальное. Общая печаль драстworилась какою-то непонятною духовною радостью и отрадою. Это есть видимый признакъ того, что почившій удостоенъ милости Божіей. Послѣ пани-

хиды, тѣло почившаго было перенесено изъ одинокой скромной келии его въ скитскій храмъ, при пѣннн „Святый Боже“ .., и перезвонѣ колоколовъ, гдѣ продолжалась Божественная литургія. Когда внесли тѣло почившаго въ храмъ, то въ храмѣ пѣли окончаніе символа вѣры: „чаю воскресенія мертвыхъ: и жизни будущаго вѣка“. Этимъ повидимому, случайнымъ совпадениемъ, не говоритъ-ли намъ сама Церковь, что ожидаетъ прахъ того, кто еще при жизни твердо вѣрилъ и чаялъ воскресенія мертвыхъ и вѣчной жизни въ будущемъ вѣкѣ...

Тѣло почившаго находилось въ храмѣ до дня его погребенія, при чемъ надъ гробомъ почившаго читалась братіей по очереди неусыпная псалтирь, и совершено нѣсколько панихидъ.

Такая смерть, какой удостоился онъ, Василій, есть не внезапное нападеніе врага, а вожделенное посѣщеніе Христа Жизнодавца. Онъ говорилъ при разлукѣ своимъ ученикамъ: „иду уготовати мѣсто вамъ, и аще уготоваю мѣсто вамъ, тогда пакы прииду и пойму вы къ Себѣ, да, идѣже есть Азъ, жи вы будете“. Жизнодавецъ Христосъ своимъ воскресеніемъ сокрушилъ печать загробной тайны человѣка, а потому для вѣрующаго человѣка повидимому мрачный и безотрадный гробъ есть мирное ложе для измученной и изстрадавшейся брениой плоти, которая въ свое время по гласу Архангела воскреснетъ для вѣчной жизни. Не будемъ посягать узнать не исповѣдимыя судьбы Божіи, которыя остаются тайною даже для самихъ ангеловъ, а скажемъ по поводу преждевременной смерти о. Василія словами Божественнаго Писанія: „восхищенъ бысть, да не злоба измѣнить разумъ его, или лестъ прельститъ душу его: угодна бо бѣ Господеви душа его, сего ради потщася отъ среды лукавствія.“ (Прем. Сол. 4, 11, 14).

„Почилъ онъ безмятежно,

Смежилъ свои очи въ покоѣ;

Совершивъ въ предѣлѣхъ земномъ,

Все то, что дано ему Творцомъ,

Онъ, свѣря въ загробную жизнь,

Вся земное долут отдавшій

Улетѣлъ духомъ къ Предвѣчному

Гдѣ уже ничто земное не смутитъ его“

Гдѣ уже ничто земное не смутитъ его“

Гдѣ уже ничто земное не смутитъ его“

Гдѣ уже ничто земное не смутитъ его“